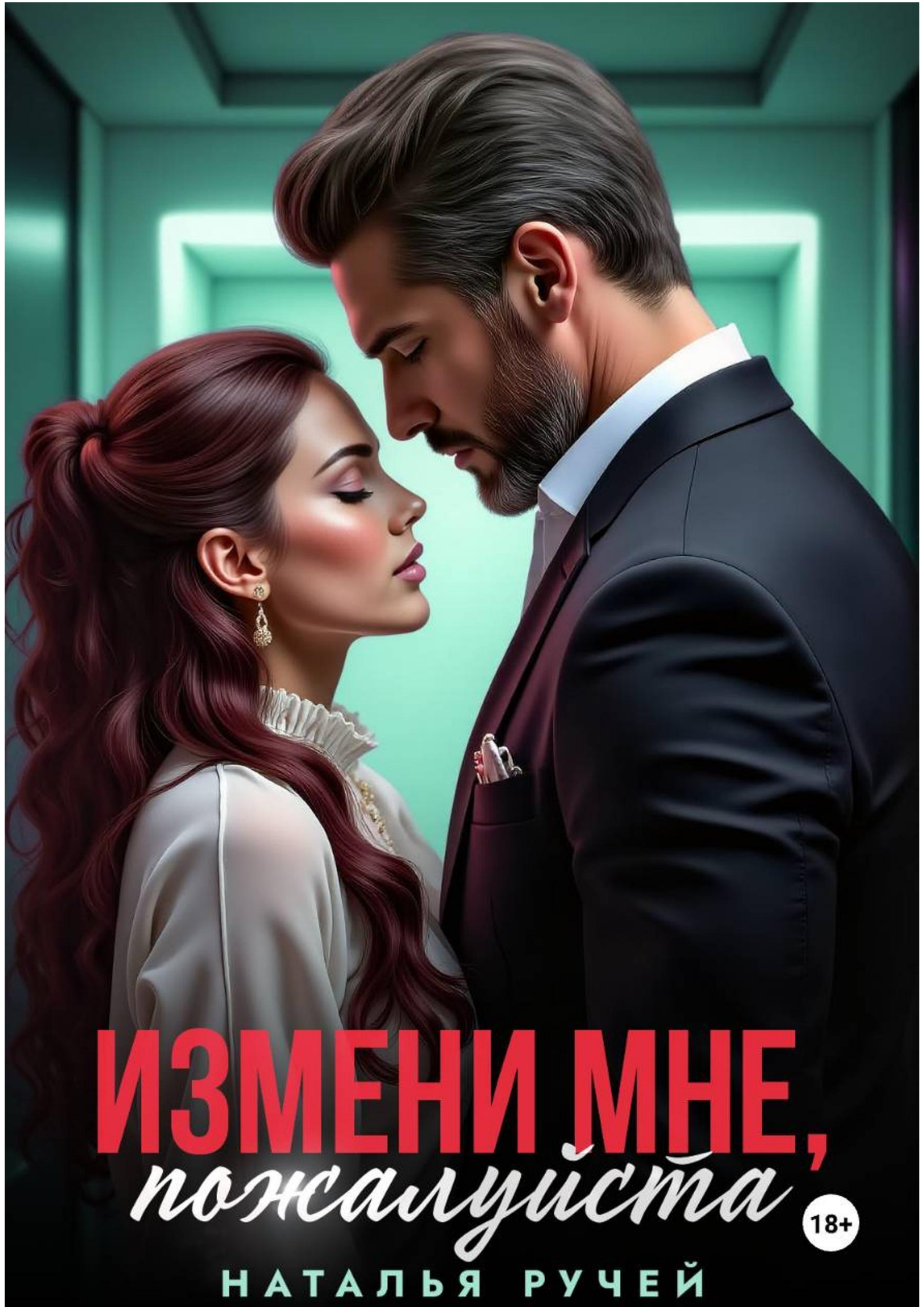




ИЗМЕНИ МНЕ,
пожалуйста

18+

НАТАЛЬЯ РУЧЕЙ

Наталья Ручей

Измени мне, пожалуйста

«Автор»

2026

Ручей Н.

Измени мне, пожалуйста / Н. Ручей — «Автор», 2026

– Измени мне. – Что? Мне кажется, я ослышалась, потому что он не мог...
Мой муж не мог такое сказать. Мы десять лет женаты, мы счастливы, мы...

– Пожалуйста. – Ты... ты... От шока я заикаюсь. А вот он выглядит так же
невозмутимо, как и до этого. – Ты спрашивала, чего я хочу? Какой подарок на
день рожденья? Я выбрал. Измени мне, пожалуйста. Мой друг тебе подойдет?

© Ручей Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	35
Глава 9	40
Глава 10	43
Глава 11	46
Глава 12	50
Глава 13	54
Глава 14	58
Глава 15	61
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Наталья Ручей

Измени мне, пожалуйста

Глава 1

«Ваш муж вам изменяет! Со мной!! Отпустите его, пожалуйста!!!»

Прочитав прилетевшее сообщение, я силюсь припомнить: это какая по счету кандидатка на мое место? Пятая или шестая? Пожалуй, седьмая. За десять лет брака конкуренток не так уж и много. Особенно учитывая, что мой муж не только хорош собой, но и хорошо зарабатывает.

Надо признать, что у этой перед предыдущими есть преимущество – она знакома со знаками препинания. Но перебарщивает с экспрессией. Вот эти восклицательные знаки по нарастающей что, по ее логике, должны сделать?

Первый – шокировать меня. Следующие два – довести до полубоморочного состояния. А три заключительных – заставить сложить чемоданы, бросить в сердцах ключи в прихожей и бежать без оглядки?

Так я понятия не имею, где у нас чемоданы – все равно пришлось бы дожидаться мужа, чтобы спросить. А разбрасываться ключами от своей же квартиры еще большая глупость, чем уйти «в закат» по просьбе какого-то анонима.

Словом, опять дорогуша не подготовилась.

Я смахиваю сообщение с экрана и с куда большим интересом продолжаю следить за аукционом.

– Лот номер шесть! – объявляет ведущий. – Дамы и господа, перед вами старинная поющая чаша Джамбати. По преданию – именно ею до конца своих дней пользовался ученик Далай-ламы для своих медитаций. А еще эта чаша – отличный помощник не только в занятиях йогой, но и в звуковой терапии! Начальная цена – всего сто евро! Итак, кто хочет купить?

Я бросаю взгляд на участников аукциона. А поклонников йоги не так много – только один мужчина поднимает табличку с номером «1». Хотя, глядя на его фигуру, я бы предположила, что ему ближе бокс или единоборства.

– Помимо прочего, – продолжает ведущий, несколько разочарованный активностью, – эта чаша помогает в очищении пространства от негативной энергии!

Хм, даже так? Может, поставить ее в кабинете у мужа? Скажу, чтобы раз в месяц водил по ней палочкой. Ему это труда не составит, а меня избавит от таких сообщений.

Я поднимаю табличку, и лицо ведущего мгновенно светлеет, а его галстук-бабочка бодро подсказывает, словно обретая крылышки.

– Участник под номером два! – торжествует он, улыбаясь мне. – Итак, сто пятьдесят евро, господа, и, конечно же, прекрасные дамы! Всего сто пятьдесят евро, и эта чудесная чаша может стать вашей! Добавлю – здесь сплав из семи металлов, каждый из которых символизирует планету! Диаметр – аж двадцать сантиметров!

– Оу... Двадцать сантиметров – это очень приятный размер, – вдруг заинтересованно роняет дама в шляпке рядом со мной, которая половину аукциона мило продремала. Она уже почти взмахивает табличкой, но потом всматривается в лот и разочарованно вздыхает: – А... что это такое плоское и невзрачное? Простите, я думала, мы уже дошли до древнего магического амулета Шива-лингам. Его еще не было?

– Нет... – ведущий мастерски давит вздох сожаления. – Придется еще немного подождать, милая леди.

Моя соседка с улыбкой кивает и вновь натягивает шляпку чуть ниже, правильно поняв «оговорку» ведущего. Поспать – так поспать.

– Ну что ж, вернемся к нашему чудесному лоту! – голос ведущего звучит преувеличенно радостно, чтобы остальные участники не последовали примеру дамы в шляпке. – Хочу сообщить вам о приятном бонусе, который вы получите, приобретя эту чашу. Табу нет. Вы можете очищать пространство рядом с собой хоть каждый день! Хоть каждую минуту! Вы можете себе это представить?

Если кто-то и представляет себе это, то вяло – вверх снова поднимается только одна табличка. Да и то это смелая заявка. Если и правда начать каждую минуту стучать по чаше монаха, придется забросить остальные дела, и, как следствие, точно забыть про любые аукционы.

– Двести евро! Участник под номером один предлагает двести евро за эту магическую вещь! Послушайте звук... Если вы не поспешите, насладиться им сможет только участник под номером один!

«Он счастлив со мной, – снова приходит сообщение. – Разве вы не хотите, чтобы он был счастлив? Мы с ним оба счастливы!!!»

Ведущий делает долгую паузу и поднимает деревянную палочку над чашей. Он так старательно нагнетает, что дама в шляпке, уже не скрываясь, громко зевает, а я от скуки пишу сообщение, хотя и не думала отвечать:

«Поздравляю! Это редкая удача. Но если вы уже счастливы, какая разница – отпущу я его или нет? Счастье – такая хрупкая вещь, что лучше ничего не менять.»

Наконец ведущий касается бронзы и по залу расходится низкий, вибрирующий тон, будто кто-то погладил пространство изнутри. Все застывают, а я разочарованно вздыхаю. Нет, на этот колокол Роман в своем кабинете не согласится. Скажет, что у него не часовня. Если верить сегодняшней анонимке – далеко не часовня.

Я уже думаю бросить борьбу, когда ведущий, вдохновившись хоть какой-то реакцией зрителей, радостно продолжает:

– Этот тон помогает очистить не только пространство, но и мысли! Не верите – проверьте на начальнике!

Начальника у меня нет – повезло. Но почему бы не послать это чудо бедной девушке, которая забрасывает меня сообщениями? Я резко поднимаю табличку.

– Ох, я уже вижу, вижу, что номеру два эта чаша просто необходима! – ликует ведущий. – Скажите, у вас строгий начальник? Настолько строгий, что вы готовы вложить в него двести пятьдесят евро?

– У меня нет начальника, – отвечаю честно. – Я собираюсь подарить эту чашу любовнице своего мужа.

В зале раздается смех – никто в эту версию, конечно, не верит, но зато все проснулись.

– Ох, за эту возможность действительно стоит побороться! – восхищается ведущий, тщетно осматривая остальных участников. – Какой невиданный ажиотаж!

Я на всякий случай оглядываюсь. А то сижу во втором ряду, мало ли, вдруг я чего-то не вижу?

И натыкаюсь на пристальный взгляд участника, который держит табличку с цифрой один. Вот уж кто действительно строгий начальник. Стальные глаза – как холодное лезвие, невольно хочется поежиться, сжаться или отвернуться. Но вместо этого я мило улыбаюсь и подмигиваю.

Он удивленно моргает. И вот теперь я отворачиваюсь к ведущему.

– Может, вы хотите услышать эту чашу еще раз? – предлагает тот, наткнувшись на мой взгляд.

О, неет... Неет, только не снова... И у моей доброты есть границы. Я тут же опускаю свою табличку, а вот мой конкурент не успевает этого сделать.

– Ну что ж, чаша продана! Поздравляю участника под номером один – всего за триста евро вы сможете в любое время наслаждаться этим неповторимым звучанием! Вам крупно повезло!

– Да как сказать... Не мешало бы выяснить, что случилось с монахом, – ворчу я тихонько себе под нос. – Мало ли, может, он и скончался от переизбытка такого наслаждения.

И вот говорю я тихо, вряд ли это кто-то мог бы услышать. По крайней мере, у дамы рядом со мной даже не вздрогнула шляпка. Но вдруг чувствую взгляд слева, который жжет, просто жжет кожу у меня на щеке. Повернув голову, встречаюсь взглядом с победителем лота... и почему-то знаю, уверена, что он меня слышал.

Взгляд его теперь еще тяжелее – как стужа. Идеальное сравнение. Тем более что на его темных волосах я замечаю редкие крупички «изморози».

Смотрит пристально, долго. Словно ждет, когда я превращусь в сосульку от его взгляда, растаю от чувства неловкости и исчезну со своего места. Но вместо этого я опять улыбаюсь и произношу одними губами:

– А, по-моему, это хороший совет.

И снова не остается сомнений – он понял, что я сказала.

– Пожалуйста, – добавляю беззвучно.

Серые глаза незнакомца прищуриваются, но уже не холодно, а словно с интересом. Я отворачиваюсь и устремляю взгляд на ведущего. На подиум выносят следующий лот. Картина в простой деревянной раме, освещенная с обеих сторон мягкими лампами.

– Лот номер семь, господа и прекрасные дамы, – голос ведущего теперь звучит почти устало. – Картина молодого, подающего надежды художника. Прекрасно подойдет для украшения любого помещения...

Он сбивается и с трудом скрывает разочарование, когда никто даже не шевелится.

– В ширину сорок сантиметров! А в длину целых пятьдесят! – закидывает наживку, не сводя взгляда с моей соседки.

Но та на такие нереальные цифры не ведется – зазря не просыпается. А вот я невольно подаюсь вперед, пытаюсь рассмотреть детали. Полотно небольшое, но краски такие чистые, звонкие, что мне кажется – вот-вот зашумит море, нахлынет теплый ветер, и я услышу крик чаек.

– Напоминаю, что все вырученные средства пойдут в фонд помощи больным деткам... – вздыхает ведущий, словно уже не веря в успех.

Вяло поднимается табличка где-то сзади.

– Десять евро, – уныло объявляет ведущий. – Спасибо участнику под номером шесть...

Я снова перевожу взгляд на картину, и вдруг ощущаю, словно внутри что-то просыпается. Там, на полотне, в солнечном синем небе парит чайка. Белая, почти прозрачная от яркого света. А чуть выше и в стороне от нее летит коршун – темный, сильный, хищный. И так близко друг к другу они летят, что кажется – еще секунда, и столкнутся...

Меня вдруг накрывает теплом, я даже ощущаю соленый запах моря. Слышится едва различимый шум прибоя, словно кто-то открыл окно в другое лето, в другую жизнь.

– Художник – хороший друг владельца галереи, – уже почти извиняющимся тоном добавляет ведущий. – Пока он просто уличный художник, но кто знает, возможно, именно вы приобретете будущий шедевр?

Я машинально смотрю вправо и встречаюсь взглядом с молодым парнем. Худощавый, в потертых джинсах и сером свитере, он сжимает руки в кулаки и смотрит на зал с надеждой и отчаянием одновременно. В его глазах такая искренняя уязвимость, такая наивная вера в чудо, что сердце щемит.

Зря он переживает. Ох, зря. Тут действительно есть за что побороться. И пока никто этого не понял, я действую. Уверенно поднимаю табличку и громко произношу:

– Тысяча евро!

В зале наступает тишина, даже ведущий потрясенно замолкает на секунду, а художник широко раскрывает глаза.

– Тысяча евро от участника номер два! – голос ведущего восстанавливается мгновенно.
– Невероятно! Кто-нибудь хочет...

Он даже не заканчивает фразу, когда взглядом цепляется за кого-то слева и объявляет еще громче:

– Тысяча пятьсот! Участник номер один!

Я резко поворачиваюсь. Мой недавний конкурент с поющей чашей спокойно смотрит на ведущего, словно ему не важны ни сумма, ни картина. Его профиль кажется мне еще жестче, словно вырезан из камня.

Но теперь я не уступлю. Эта картина нужна мне, я уже ощущаю ее своей.

Поднимаю табличку:

– Две тысячи евро!

Он не медлит:

– Две пятьсот!

– Три тысячи! – я уже не колеблюсь.

Он смотрит на меня чуть удивленно, в его глазах мелькает тень улыбки, и он слегка кивает. Я едва сдерживаю довольную улыбку и уверенно жду, когда ведущий отсчитает до трех.

Но телефон снова противно вибрирует. Я отвлекаюсь буквально на мгновение, машинально смотрю на экран:

«Он сейчас со мной. Будет поздно. Как случается часто в последнее время. Но на этот раз вы узнаете, что он был у меня. Вы поймете.»

И несмотря на то, что это полная чушь, пульс дрогнул. Что-то холодное и тяжелое оседает внутри, перехватывает дыхание, словно меня резко окунули в ледяную воду.

Это неправда. Конечно, неправда. Он просто слишком много работает в последнее время, вот и задерживается. Так у всех, у кого муж не бездельник.

Секунды...

Мне кажется, я отвлекалась на секунды – не больше, и вдруг слышу, как ведущий уверенно объявляет:

– ... Три! Картина уходит участнику под номером один! Поздравляю!

Я поднимаю взгляд, и досада накрывает меня волной. Хочется что-то сказать, возразить, но слова застывают на губах.

А мой соперник вдруг поворачивается и смотрит прямо на меня. Стальной взгляд становится мягче, а затем он едва заметно улыбается и медленно, с легкой насмешкой, подмигивает мне.

– Поздравляю, – произношу я одними губами.

И, под легкое удивление в серых глазах, поднимаюсь и покидаю аукцион.

Глава 2

– Женщина не должна так много работать! – категорично заявляет Славик, мой массажист.

– Вот что значит – человек занят любимым делом! – восхищаюсь я. – Даже не заметил, что я появилась в салоне только после двух часов дня!

Девчонки-стилисты весело смеются и давятся чаем. А Славик невозмутимо продолжает:

– Все я замечаю, Елизавета Матвеевна. И то, что вы подолгу засиживаетесь. И то, что салон идет в гору. Да и про второй салон... что там все тоже более чем хорошо, я в курсе. И то, что от усталости у вас прорезаются морщинки на лбу, я, к сожалению, тоже заметил! Вам бы ко мне на массаж...

– Некогда тебе отвлекаться, – отмахиваюсь. – У тебя запись на месяцы вперед. На чаепитие еле вырвала.

Он тут же отодвигает от себя большую чашку с чаем и с готовностью объявляет:

– Я давно хотел устроить разгрузочный день!

Это так мило, что я не могу сдержать улыбку. У него даже лысина поблескивает, как будто подмигивает мне, мол, соглашайся, мы справимся, до вечера точно продержимся!

– Ешь, ешь, – я двигаю чашку обратно к нему. Еще и блинчики, которые я захватила в ресторане, тоже ставлю поближе. – Успеем еще. Ты же сам сказал, что морщинки только прорезаются.

Он недовольно вздыхает, но раз я не приняла его голодовку, принимается за еду. Другие мастера пока заняты с клиентами, так что их порции мы предусмотрительно отложили сразу. А здесь уж кто первый.

Правда, Славик – джентльмен. Не спешит, чтобы девчонкам досталось побольше. Ну или просто он более рьяно, чем они, следит за фигурой.

В любом случае, никто не внакладе и вообще коллектив у нас замечательный. Да, мне не сразу удалось такой подобрать, были и промахи, но сейчас в «Апельсине» идеальная атмосфера и талантливые мастера. В «Манго» пока есть небольшие проблемы, но я их решу.

И пусть Славик временами ворчит, мне нравится мое дело. Два салона красоты, очереди к моим мастерам – о таком я когда-то могла только мечтать. И сбылось. Правда, пришлось потрудиться.

Жаль, что не все мечты могут сбыться, даже если ты очень стараешься...

– Елизавета Матвеевна, у вас все хорошо? – выдергивает меня из размышлений голос Славика.

– А что, морщинки стали вдруг больше?

Девчонки весело переглядываются, а он смотрит долго и пристально. И совершенно серьезно. На секунду даже кажется, что он пытается прочесть мои мысли, но вряд ли он так далеко зашел в своих практиках. Кстати, о них...

Потянувшись к столу, я достаю из верхнего ящика несколько камушков, которые купила на аукционе по смехотворной цене.

– Выбирайте, – предлагаю, протягивая ладонь.

– Ой, голубой! Люблю голубой! Это мой! – тут же счастливо верещит Марина, одна из мастеров.

– Розовый! – восхищается Алина, выбирая камень этого цвета.

– Золотистый! – озвучивает свой выбор Инесса.

Славик только добродушно улыбается, наблюдая за ними. Поскольку интереса к камням он не проявляет, я отдаю и все остальные, чтобы их раздали девчонкам в зале.

Мастера тут же убегают с подарками и пустыми чашками – хвастаться! Это никак нельзя отложить!

– А это тебе, – говорю я Славику, когда он поднимается.

И достаю из ящика стола небольшую коробочку.

Он принимает ее без особой охоты и без малейших эмоций. А когда открывает...

Это тоже камни. Не особо красивые, невзрачные. Девчонки бы их точно не оценили. Но Славику этот набор приходится по душе. Это сразу заметно. Его брови ползут вверх, рот слегка приоткрывается, а рука нерешительно застывает над коробкой.

– Натуральные... необработанные... – бормочет он, смущенно поглаживая лысую голову.

– И старые-старые... как обувь моего прадеда, в которой он прошел все самые высокие горы, а потом передал ее моему деду.

– Да. Примерно так и сказали, – припоминаю я слова ведущего на аукционе про эру динозавров. – Ничего страшного, что придется смахнуть с них пыль?

Славик кивает и бережно прижимает коробку к себе.

– Думаю, они мне это простят... – говорит он благоговейно. – Мы с ними договоримся... Спасибо, Елизавета Матвеевна!

– Да пустяки. Все для блага салона!

Он хитро улыбается, понимая, что я не хочу слышать долгих благодарностей и просто кивает. А на выходе из моего кабинета оборачивается:

– Массаж, Елизавета Матвеевна... в любое время... и лучше пораньше.

Он уходит, а я задумываюсь: может, и правда пора пройти курс? Еще и эти навязчивые эсэмэски, намекающие на то, что у моего мужа роман... Вдруг со стороны я выгляжу настолько печально, что кто-то решил, будто я легко поведусь на это вранье?

Встав из-за стола, я прикрываю дверь плотнее и бросаю взгляд в большое зеркало на стене.

Да нет, все в порядке.

Решив, что нужно посмотреть на себя дольше и беспристрастно, подхожу ближе. Ну не знаю...

Если бы в двадцать мне сказали, что в тридцать пять я буду выглядеть так, как сейчас, я бы прыгала до потолка. Седины еще нет, и не потому, что волосы окрашены. Мы с мастером иногда просто чуть играем с оттенком, а так у меня и свои хорошего шоколадного цвета. Длинные и, тьфу-тьфу, не линяют.

Так, ладно, что там с морщинками? Вроде бы ничего нет. На всякий случай я подхожу еще ближе.

Глаза зеленые, не потускнели, взгляд не уставший. Да нет у меня морщин! Ну или у меня проблемы со зрением. Все-таки не у всех предки сызмальства по горам ходили и передали по наследству не только неубиваемую обувь, но и такие гены.

Фигура тоже в порядке. Ну это логично – я стараюсь держать себя в форме. А других причин ей чуть испортиться не было.

Так, ладно! С морщинками можно и подождать, как мы выяснили, а вот откладывать работу нежелательно.

Засиживаюсь я допоздна, но понимаю это, только когда прощаюсь с коллективом и оказываюсь на улице. В октябре уже рано темнеет, но ночи пахнут по-особенному, с какими-то едва уловимыми нотами ностальгии.

Я на секунду закрываю глаза и вдыхаю глубже. Мне нравится это ощущение – когда усталость дня растворяется в ночном воздухе. Улетучивается с порывом прохладного ветра. Опадает с желтыми листьями и прячется в лужах. Убегает за километры на шинах чужих машин, несущихся по дорогам. И желание оказаться скорее дома, с огромной чашкой в руках и в объятиях мужа начинает пульсировать ярче, подгоняя на дорогах уже меня.

Когда сажусь в машину, часы показывают начало одиннадцатого. Не хочется терять время, но я все же делаю заказ в ресторане и небольшой крюк, чтобы его забрать. «Майорка» – ресторан наших с Романом друзей, поэтому в качестве кухни я уверена на все сто. А еще это дает мне дополнительный бонус – девочка-официантка выносит мой заказ прямо к машине.

– Ой, не надо, – отнекивается, когда я даю ей чаевые. – Вы же – подруга Антонины Борисовны!

– Но деньги-то она с меня за заказ берет, – улыбаюсь я. – Ты тем более не стесняйся!

Она смеется и убегает, скорее от новых капель дождя. Я тоже тороплюсь. Хочется довести все горячим. Хотя к приходу мужа все равно, скорее всего, придется разогреть...

Он не звонил, поэтому я не знаю, когда он точно вернется. Было бы хорошо, чтобы сегодня пораньше, потому что мысль про чашку чая и его объятия все соблазнительней.

Припарковав машину, поднимаю взгляд вверх и нахожу окна нашей квартиры. Темно. Значит, я первая. Желание оказаться побыстрее дома усиливается – до возвращения мужа успею соорудить какой-то салат и пару закусок. А еще заварю ароматный чай, чтобы он настоялся к его приходу.

– Добрый вечер, Антон! – вихрем проношусь мимо консьержа.

– Ночи, – с улыбкой кивает он и заботливо провожает меня взглядом, пока я не скрываюсь в лифте.

У нас самый лучший комплекс в городе. Самые лучшие консьержи. И еще у нас самая лучшая квартира. В нее хочется возвращаться.

Зайдя в прихожую, включаю свет, скидываю туфли и вдруг замечаю обувь мужа, в которой он уходил утром.

Бросаю взгляд вглубь квартиры – мы что, разминулись всего на минуту? Он уже был в лифте, когда я подъехала?

Но, кроме обуви в прихожей, ничего не указывает на присутствие мужа дома.

– Ром?

В ответ молчание.

Оставляю пакет с едой в коридоре. Медленно иду по темной квартире.

– Ром, ты дома? – повторяю, заглянув на кухню и увидев, что там никого.

Вновь тишина.

Быстро перехожу в гостиную и облегченно выдыхаю, заметив силуэт у окна. В комнате темно, сюда проникает лишь тусклая полоска света из коридора и приглушенный свет уличных фонарей, но сомнений, что это муж, даже не возникает.

Десять лет брака. Я знаю его от и до.

Подхожу к нему, обнимаю его со спины. Его руки тут же накрывают мои. Тепло. Хорошо. Сразу как-то спокойно. Все глупые мысли уходят.

– Привет, – выдыхаю я.

– Привет, – отзывается он.

Я слышу улыбку в его голосе, и мне тут же хочется увидеть ее, поэтому я становлюсь рядом с ним.

Его лицо в таком свете кажется почти незнакомым. Но эту улыбку я узнаю из тысячи – именно ею он меня когда-то и подкупил.

Секунда.

Минута.

Без понятия, сколько времени мы просто молча рассматриваем друг друга. Он действительно очень хорош собой – темные волосы, карие глаза, острые скулы, подтянутая фигура. Он как выдержанное вино – с возрастом стал еще лучше. Ему бы Славик о комплексе массажей даже не заикнулся.

Налюбовавшись вдоволь, перевожу взгляд в окно. Внизу парковка. Слева чуть вдали серебрится река, над ней возвышается мост с сотней «светлячков», спешащих домой, как и я.

– Что ты здесь делаешь? – интересуюсь у мужа, снова обнимая его.

– Любуюсь.

– Да, здесь красиво.

– Очень.

Перевожу взгляд чуть правее и смотрю на наше с ним отражение. Улыбаюсь, когда замечаю, что я смотрю на город, а он – на меня.

– Пойдем, – ласково провожу ладонью по его спине, – кормить тебя буду. А то ты совсем исхудал со своими дедлайнами.

К моему удивлению, муж довольно резко отодвигается от меня.

– Я не голоден. Заказали на работу ужин из ресторана. Так что ешь одна. А я в душ и спать. Очень устал.

– Видно, плотно поели, раз даже от упоминания о еде тебя как током шарахает, – хмыкаю я. – Ладно-ладно, у самой так бывает. Иди.

Он снимает с себя пиджак, небрежно откидывает его на спинку дивана и уходит в душ.

– Мальчишки! – фыркаю я, беру его пиджак, чтобы убрать, и вдруг улавливаю странные ноты.

Нарочито-сладковатые, навязчивые – как раз такие, что я терпеть не могу. Это не мужской одеколон. И тем более не одеколон моего мужа.

Это женские чужие духи. И чтобы остался такой сильный запах, нужно было в них как минимум искупаться.

Глава 3

– Я знала, что смогу тебя соблазнить, – говорю я, услышав шаги за спиной.

Роман не отвечает, и я оборачиваюсь.

Он стоит, прислонившись к косяку. Темные волосы еще влажные после душа, на виске блестит капля, медленно сползающая по коже к шее.

Он сейчас только в свободных штанах, и капли воды неторопливо стекают по оголенному торсу, по очертаниям пресса, к поясу.

– Хорошо, что ты заглянул, – улыбаюсь я и многозначительно играю бровями.

Он усмехается, выдвигает стул и садится за стол. На еду – беглый, незаинтересованный взгляд, хотя там его любимое блюдо – телячьи щеки в красном вине с картофельным пюре и соусом демиглас.

Воздух между нами густой, теплый – то ли от аромата вина, то ли потому, что его кожа пахнет чем-то родным, чуть терпким.

– Дай угадаю: мой салат тебя больше интересует? – спрашиваю, заметив его пристальный взгляд на себе.

Он мягко улыбается:

– Снова не угадала. Больше всего меня интересуешь ты.

Я окончательно отбрасываю тревожные мысли, которые навязчиво лезли в голову, и невольно улыбаюсь. Эти же слова он сказал, когда мы впервые с ним познакомились. Вернее, когда я впервые к нему подошла. Так-то я знала и его имя, и его фамилию: все же мы в одной группе уже год проучились. Но мы не общались. У меня были свои интересы, свои друзья, а еще я усердно училась. В общем, все как у всех, приземленно. А он частенько прогуливал и увлекался парашютным спортом – это я случайно от кого-то услышала.

Иными словами, мы как две разные вселенные, у нас не было ничего общего. Мы вращались на разных орбитах.

А тогда заболела наша одноклассница, потом оказалось, что она беременна, и мы всей группой собрались и обсуждали, что ей купить и по сколько сложиться. А он – нет.

Сидел, молча смотрел в окно. Зачем только пришел – непонятно. Мог бы прогулять по привычке. Очевидно же, что ему плевать и на учебу, и на всех нас.

Ну я и вскипела. Подошла к нему и спросила: его хоть что-то в этой жизни интересует, кроме себя? А он посмотрел на меня и вдруг очень спокойно ответил: «Да. Больше всего меня интересуешь ты.»

Ответил при всех. Никого не смущаясь. Ему тогда от меня хорошенько досталось – пух и перья летели, пух и перья. Ничего. Не испугался. Вновь оперился. А спустя пару лет после института мы с ним поженились. Ну не отпускать же на волю такого смелого и пернатого. Тем более если единственное, что ему было важно – я. Пропадет ведь!

Приблизившись к мужу, кладу руки ему на плечи. Пальцы с удовольствием ощущают знакомое тепло и скрытую силу.

Он дышит медленно, безмятежно. Я долго смотрю в темные глаза. Просто смотрю и молчу.

Дышу его запахом. Дышу этим спокойствием и уверенностью. Наполняю легкие этим ощущением – «мы».

И усиливаю его – склоняюсь ниже и ловлю губами его поцелуй. Легкий, едва ощутимый, пробирающий до пальчиков ног.

– Не жалеешь? – спрашиваю, строго прищурившись.

– Ни разу.

Он произносит это тихо, но твердо. Наши лица в миллиметре друг от друга. Между нами почти не остается воздуха, и мы делимся дыханием. Все – лишь бы не прерывать этот момент.

– Тогда, чтобы и я не пожалела... – шепчу, касаясь своими губами его, – попроси свою любовницу сменить этот противный парфюм.

Его плечи тут же каменеют.

– О чем ты?

Он сжимает мою талию и, нахмурившись, чуть отстраняет меня. Взгляд – настороженный.

Я досадливо морщусь: ну вот, я все-таки все испортила. И в то же время мне становится смешно. Такая живая реакция, такие яркие молнии в темных глазах! Я взъерошиваю его волосы, с удовольствием пропускаю их через пальцы и поясняю:

– Твой пиджак... Его придется сдавать в химчистку – вряд ли запах с него когда-нибудь выветрится. У тебя новый секретарь? Карина вроде бы не отличалась таким дурновкусием.

– А, ты об этом? – Роман облегченно выдыхает, на лице мелькает слабая улыбка. – Да, Карина у меня уже не работает.

– Жаль. А почему? Вроде бы хорошая девочка.

– Ну... скажем так. Ее парфюм не нравился даже мне.

Улыбнувшись, я еще раз целую мужа и возвращаюсь к готовке салата. Так, что тут у нас?... Добавлю, пожалуйста, оливки.

– Проведи, пожалуйста, для новенькой инструктаж, – прошу я. – Я, конечно, все понимаю – от той зарплаты, которую ты платишь, так и хочется прыгнуть тебе при встрече на шею. Но пусть она будет немного посдержанней. Иначе за химчистку я попрошу вычитать из нее.

– Договорились, – соглашается быстро муж. – Исправлюсь.

– Ты-то здесь при чем? – усмехнувшись, пожимаю плечами. – Так, Ром, что еще добавить – твои предложения?

– Кинзу.

Я с сомнением смотрю на салат.

– Думаешь?

– Уверен. Так будет лучше.

– Забавно у нас получается, – замечаю я, добавив в салат кинзу. – Муж учит жену готовить. Жена учит мужа, как перед ней не спалиться. Видели бы нашу идиллию твои воздыхательницы – перестали бы мне строчить эсэмэски с разоблачением.

– В смысле? – удивляется Роман.

– У тебя очередная поклонница, а ты этого даже не заметил.

Хмыкнув, я киваю на свой телефон на столе, а самаправляю салат. А неплохо получилось, действительно. Хотя кинзу я бы все же не добавляла. С другой стороны, она не особенно портит вкус.

Обернувшись, ставлю салат на стол. Роман молча изучает мой телефон, и его настроение очевидно портится – челюсть сжимается, глаза прищуриваются. Потом он коротко выдыхает и стучит пальцем по экрану.

– Что ты делаешь?

– То, что должна была сделать ты. Блокирую и стираю. Так будет лучше. Почему сразу не сделала?

Я пожимаю плечами.

– Да отвлеклась на аукцион. Потом просто забыла. Вспомнила, только когда услышала запах на твоём пиджаке.

Роман устало выдыхает.

– Лиза, ты же знаешь...

– Знаю, знаю, – отмахиваюсь. – У вас большой коллектив, куча работы с вечно горящими сроками и своеобразный стиль общения. Не повторяйся. Жуи давай. А то на лице скоро одни глаза и останутся.

Я щедро насыпаю ему в тарелку салат идвигаю поближе его любимое блюдо. Пусть ест, а то и правда заметно похудел в последнее время. То, что они при встрече все обнимаются, для меня не новость. Когда я там появляюсь, мне тоже не удастся отбиться. А Роман куда деликатней меня.

– Что-то ты совсем без сил, – говорю я, когда замечаю, что он не столько ест, сколько возит вилок по тарелке. – Может, ты поторопился с увольнением Карины? Ты сам говорил, что она талантливая девочка и хорошо тебе помогает.

– Ничего. Эта тоже не без способностей. К тому же она быстро учится.

Понаблюдав еще какое-то время за тем, как он мучает еду, я убираю тарелки и делаю нам двоим чай.

У него в руках большая чашка. У меня не меньше. Благодать! Это наше любимое время – когда наконец можно расслабиться и отпустить уходящий день вместе с дымком, который струится над чашками.

– Как прошел аукцион? Удалось найти что-то интересное? – спрашивает Роман, а когда я в ответ расстроенно пыхчу, недоверчиво уточняет: – Что, совсем ничего?

Я развожу руками.

– То есть, «Волга» отца продолжает гостить у нас в гараже?

Я улыбаюсь. Да уж, отец Романа попросил нас об одолжении, чтобы этот раритет постоял в нашем загородном гараже пару недель, пока он не найдет мастера, который не заставит его любимицу снова бегать. Новая машина у него есть, но она, с его слов, не дарит никаких ощущений.

Ну... не знаю, мне гелики нравятся. А вот его «Волга» не очень. Может, конечно, потому, что она в нашем гараже обитает уже второй год. Прижилась среди моих эксклюзивных находок.

Но в этом есть даже смысл. Мне не нравится «Волга». Роману – многое из того, что я покупаю на аукционах. Получается не гараж, а убежище для отверженных.

– Пусть продолжает гостить, – соглашаюсь я. – Зима близко. Не можем же мы ее выгнать на улицу? Тем более что она совсем не в состоянии двигаться.

Но я верю, что однажды отец Романа все-таки найдет мастеров, которым доверит свою машину. А я найду время и место, чтобы расставить свои «находки» с теми почестями, которых они заслуживают. Это они пока для других ничего из себя не представляют. Но однажды за многими вещами из моей коллекции будут гоняться коллекционеры.

– Неужели тебе совсем ничего не понравилось? – не верит Роман. – Или скрытые таланты перевелись?

– Понравилось. Не перевелись. – Я с досадой цокаю языком и нехотя признаюсь: – Но это перехватили.

– У тебя?!

Его темные брови удивленно взлетают вверх, и он просит рассказать, что там было. Я и рассказываю – про картину, про художника, который, я уверена, однажды станет довольно известным.

– Погорячилась, – резюмирует муж. – Слишком сильно показала свой интерес, вот тебя и перебили.

Я покайнно вздыхаю:

– Не удержалась.

– Маска, Лиза. Научись держать маску. Иногда это просто необходимость.

– Ты прав, – я снова вздыхаю. – Тем более что в этом ничего сложного нет. Два раза в неделю у косметолога я ведь с этим заданием отлично справляюсь!

Роман смеется.

Тихо.

Тепло.

Завораживающе.

До приятных мурашек.

– Может... – облизываю вдруг пересохшие губы, – в постель?..

Роман согласно кивает и поднимается.

– Ты права. Пойду лягу. Я сегодня жутко устал. Глаза просто слипаются. Спасибо за вкусный ужин.

– Эм...

Закончить фразу я не успеваю – муж выходит из кухни.

Я быстро все убираю и топаю в спальню следом за ним. Но он не просто сильно устал. Он вымотан! Потому что ну... пусть меня не было минут пять, а он уже спит.

Раньше я считала, что все начальники хорошо поработали, чтобы стать начальниками. А потом только сидят и чаи гоняют, да подчиненных поправляют. Собственно, потому я и мечтала в детстве стать биг-боссом. А потом я выросла. А потом у меня появился собственный бизнес. Так что я прекрасно понимаю, что руководство вкалывает в несколько раз больше, чем остальные. Но ведь и оно не железное. Его тоже нужно жалеть.

Подойдя к кровати, я накидываю на плечи мужа теплое одеяло. А сама, уже никуда не спеша, иду в ванную переодеться и принять душ. Я как-никак тоже руководство, и тоже устала.

– Рома-Рома... – ворчу я, но так, не со злобы, когда замечаю его белую рубашку в стиральной машине вместе с остальными вещами.

Еще и так небрежно, и ни туда, и ни сюда. Свисает. Если бы просто закинул ее, я бы и не заметила.

Достаю, чтобы переложить в корзину для белого, и вдруг замечаю на воротнике след от помады. Яркой. Ядовито-красной. Тоже безвкусной, как и духи.

– Еще раз, – бухчу тихонько себе под нос, – и я буду настаивать, чтобы вернули Карину обратно.

Ну в самом деле, эта новая помощница какая-то слишком тактильная. Это Роману еще повезло со мной. Ну, все же я – единственное, что его интересует. Это меня подкупает. Другая жена уже бы устроила хороший разнос.

А я так только – поначалу пугаюсь, когда всплывает какая-то его очередная поклонница. А потом возвращаюсь в реальность.

Я снимаю с себя одежду и морщусь. Ох, и запах! И я еще сетовала на духи секретарши!

Подношу к носу блузу и безжалостно заталкиваю ее в машинку. Подальше. Подальше с глаз моих. Надо будет Славику новый приличный набор аромасвечей подарить. Провонял весь салон свечами и благовониями – на такой запах скоро к нам не клиенты, а монахи косяками пойдут.

Только собираюсь шагнуть под душ, как пиликает мой телефон. Смотрю на экран – номер незнакомый. Но от кого сообщение, сомнений нет, потому что я получаю продолжение утренней сцены:

«Ну как, теперь вы все поняли? Убедились?»

«Милая моя, – пишу я, – знала бы ты, во сколько прихожу домой я и как пахнет моя одежда, ты бы даже не тратила время...»

После чего делаю так, как научил меня муж – блокирую новый номер очередной жертвы его обаяния. Его она не интересует. Меня тем более. Пусть отдыхает девочка – все-таки уже действительно позднее время.

Глава 4

– Вы поссорились с Тоней? – спрашивает Роман.

– Нет, с чего бы?

Яжимаю плечами и поправляю горловину белого свитера, который, кажется, немного сжимает шею.

Придирчиво осматриваю свое отражение в зеркале – может, я немного поправилась? Поздние ужины до добра не доводят, а я почти всю неделю так и питалась: было слишком много работы.

Да нет, в первую очередь отложилось бы на бедрах. Но не на шее же!

Замечаю взгляд мужа в зеркале и интересуюсь его мнением:

– Тебе не кажется, что я потолстела?

Его губы трогает мягкая улыбка. Взгляд медленно скользит по всему моему телу, от чего становится жарко, а свитер еще больше мешает.

– Нет. Ты, как всегда, выглядишь восхитительно.

– Ай, – машу расстроенно рукой. – Ты просто не объективен!

– Еще как, – соглашается он, не сводя с меня взгляда. – Еще как необъективен.

От его вкрадчивого тона по моей спине тут же бегут приятные мурашки.

Я отворачиваюсь от зеркала и подхожу к нему.

Он стоит у окна. Поза расслабленная, бедра упираются в широкий подоконник, а правая рука неспешно прокручивает массивный браслет часов на левом запястье. Черный свитер, черные джинсы – и все равно элегантно, как будто это дорогой костюм. Впрочем, он бы и в строительном комбинезоне выглядел сногшибательно.

– Может, – я скольжу ладонями по его груди, – мне тоже немного поголодать? Воздержаться на недельку от ужинов? Хочу такую же силу воли. Хочу, как ты.

Он сжимает мои ладони. Крепко. До легкой боли. Но я не вырываюсь, потому что он сильнее их прижимает к себе. А мне так нравится. Нравится – когда близко. Нравится – когда почти неразрывно.

– Даже не думай, – предупреждает он меня строгим голосом. – Выбрось это из головы.

Голос резкий, непривычный. Он смотрит серьезно, почти хмуро. Во мне тут же пробуждается волна эмоций, но это не страх.

Это желание подразнить его. Желание спровоцировать. Желание, чтобы гроза, которую я вижу сейчас в его взгляде, метнула молнии в нас обоих. Вдвоем – можно дотла. По привычке. Я по этому очень соскучилась.

– Поняла меня?

– Не совсем, – выдыхаю тихо. – Попробуй меня убедить.

Его взгляд падает на мои губы. О, да, он отлично понимает намеки. Но почему-то медлит. Как будто сомневается, стоит ли поддаваться на мою уловку.

Губы пересыхают, их немного покалывает. Я их непроизвольно облизываю, и наконец он срывается.

Медленный, томительный поцелуй поначалу – и через секунду такой, от которого меня начинает штормить. Властный, поглощающий. Как будто гроза, которую я видела в его глазах секунды назад, решила перерасти в настоящую бурю. Ломая время. И окончательно стирая из памяти те мерзкие эсэмэски.

– Умеешь ты убеждать, – шепчу я, когда мы отстраняемся друг от друга, чтобы дать передышку.

Он усмехается уголком губ.

– Ты вышла за меня замуж, хотя запретила даже приближаться к себе. И только сейчас поняла?

Я утыкаюсь лбом в его грудь и тихонько смеюсь. Да, было такое. Мне нравился другой парень. Умный, утонченный, с которым у нас были общие интересы – мода, красота и искусство. Мы вместе ходили по выставкам и галереям, вместе мечтали хоть одним глазком взглянуть, как проходят настоящие аукционы по продаже шедевров. И, скорее всего, у нас бы сложилось.

Если бы мы не допустили ошибку.

В один из дней мы с ним долго гуляли, очень устали и заглянули в ближайшее кафе. Я не сразу заметила Романа – он сидел за дальним столом со своими друзьями. Вернее, вообще его не заметила, просто почувствовала взгляд. Дежурно улыбнулась, отвернулась и все. Ну сидит – и сидит, мне-то что?

У них за столиком было громко. А у нас интересно. Так интересно, что в один из моментов мой кавалер, увлеченный беседой, взял меня за руку. Первый серьезный жест от него. Я смутилась и растерялась.

И вообще не поняла, с чего вдруг я подскочила со стула. Нет, конечно, я была под впечатлением, но не настолько же!

Пока не осознала, что меня попросту подняли под мышки. И пока не увидела напротив жесткое лицо Романа и не услышала его злое шипение:

– Ты ошиблась столиком, Аверина. Но так и быть, я дам тебе шанс извиниться.

После чего он взял и поцеловал меня. Прямо при моем кавалере. Тот, впрочем, ни на чем не настаивал, посмотрел на конкурента и быстро слинял, пробормотав, что его любимая галерея вот-вот закрывается.

Так что Роман получил от меня не только за поцелуй, не только за стыд, который меня разъедал, но еще и за это.

– Никогда, – прошипела я, тыкая в его стальную грудь пальцем и мечтая ее проткнуть. – Никогда больше не смей приближаться ко мне!

– Черта с два! – получила обескураживающий ответ.

В общем, зайти в то кафе было самым правильным, что я тогда могла сделать... И гулкий стук его сердца под моими ладонями лишний раз в этом меня убеждает...

– Может, мы никуда не поедem? – спрашиваю мужа. – Останemся дома? В кои-то веки вдвоем...

Неделя выдалась напряженной не только для меня. Для него тоже. Совпал один выходной, а мы вот уходим из дома.

– Лиз, неудобно. Пригласили же... Давай не будем отказывать друзьям в такой мелочи. Оставим на случай потяжелее?

Я вздыхаю. Для меня это и так тяжелый случай. Еще и за окном мрачно, что тоже не склоняет к прогулкам.

– Ладно, – вздохнув, буквально отталкиваю себя от мужа. – Едем – так едем. Ты прав, обещали же. Да и Митька ждет крестного.

Роман улыбается. Мелкому Тони и Артура пять – хороший мальчишка. Муж его обожает, да и как иначе? Он такое забавное солнышко.

Зайдя на кухню, я беру апельсин и бросаю его в сумочку под насмешливым взглядом мужа.

– Думаешь, закуски будет маловато?

– Люблю приходить со своей.

На самом деле апельсин всегда просто поднимает мне настроение. Мне нравится его цвет. Нравится его вкус. Нравится его запах. И мне нравится эта моя привычка, хотя Роман над ней и подшучивает.

– Я готова! – сообщаю, прихватив из прихожей яркий зонт.

– А еще ты любишь таскать с собой ненужные вещи, – усмехается Роман. – По прогнозу сегодня солнечная погода.

– Ты бы вместо того, чтобы слепо доверять синоптикам, в окно хоть раз посмотрел. Ты же стоял у него полчаса, пока я собиралась!

– Час, – поправляет он с лукавой улыбкой. – Но у меня был объект для наблюдения поинтересней, чем улица, поэтому все-таки доверюсь ученым.

Я только закатываю глаза. Не знаю, сколько раз нужно обжечься, чтобы перестать доверять шарлатанам. Но если ему мало – кто я, чтобы его останавливать?

Когда мы выходим из подъезда, первое, что видим – конечно же, дождь. Поначалу мелкий. А потом он, будто вдохновившись такими смелыми зрителями, заметно усиливается.

– Тебя спасти? – мило интересуюсь я, косясь на мужа. – Или подождем, пока синоптики наштамуют погоду получше?

– Спасти? – он бросает на меня заинтересованный взгляд.

– Ну, второй раз я за тебя выйти не могу. Это была одноразовая акция спасения. Но кое-что сделать все-таки в моих силах.

И я раскрываю над нами свой зонт – яркий, желтый, как апельсин в моей сумочке. Или как солнце, которое я вижу сейчас в темных глазах.

– Может, и правда, – тихо бормочет муж, – к черту эту поездку?

Я широко улыбаюсь. Поторопилась я записать синоптиков в шарлатаны. Ну, ошиблись люди – с кем не бывает?

Но все решает зазвонивший мобильный. Тем более что это не Тоня или Артур, которым мы могли отказать, а Матвей.

– Вы скоро? – взволнованно пыхтит он в трубку. – Правда скоро? Пожалуйста, приезжайте! Я так жду, так жду, уже даже два раза поспал!

Ребенку отказать невозможно.

И хорошо, что мы все-таки приехали к нашим друзьям. Я в этом убеждаюсь сразу же, как только мы к ним попадаем.

У них очень уютно. И дом красивый. И вообще они – прекрасная пара. А еще у них чудесный мальчишка, который тут же с визгом несется навстречу и потом почти не отходит от крестного. То на плечах у него сидит, то на колене, то так юлой крутится. Как при этом Артур и Роман умудряются заниматься шашлыками, для меня, конечно, загадка, но запах многообещающий.

Тоня, с которой мы вместе сидим на крыльце, с улыбкой поглядывает на эту троицу и сооружает салат и бутерброды. Я сижу рядом и пью чай – иными словами, тоже при деле.

– Поразительно, – говорит Тоня, качая головой. – Столько лет прошло, а Ромка с тебя все еще глаз не сводит!

– Это потому, – отвечаю я, дергая ворот свитера, – что это он убедил меня так одеться. Теперь вот наблюдает за моими страданиями, чтобы знать, когда мое терпение лопнет и успеть убежать.

– Сбежит он от тебя, как же! – посмеивается Тоня. – Вообще знаешь, Лиза, ты опровергаешь старую поговорку, что красивый муж – не твой муж.

– Ой, один верит синоптикам, второй – каким-то поговоркам, – фыркаю я и воинственно помахиваю чашкой. – Красивый муж – мой муж! И хорошо бы это уяснить всем сомневающимся!

И хотя я говорю со смехом и в общем, Тоня прищуривается и вглядывается в меня внимательней. А потом догадывается:

– Что, опять?

– Ага. Ай, не бери в голову! – отмахиваюсь, заметив в ее глазах легкую тревогу. – Ну подумаешь, еще одна девочка захотела занять мое место! Изобретательности – ноль. Все скучно и по стандарту.

– Шлет тебе сообщения? И как только телефон твой находят?

Я легкомысленно пожимаю плечами.

– Это такой пустяк, если знать, где искать. Я – хозяйка салонов, а контакты владельца найти не так сложно. Но уже не шлет. Успокоилась. Я ее заблокировала.

Но тут я поторопилась с выводами. А если бы верила в подобную чушь, я сказала бы, что сама себя сглазила.

Потому что стоило это произнести, как на мой мобильный падает сообщение:

«Зря вы меня блокируете. Вы все равно обо мне еще услышите. И на этот раз все поймете. Я его у вас заберу.»

Блокирую и стираю.

Машинально перевожу взгляд на Романа. Не для того, чтобы убедиться, что у нас все хорошо. Просто... потому, что мне хочется.

И вижу, как он, отойдя чуть в сторону, с кем-то разговаривает по телефону.

Хмурится.

Сжимает с силой телефон – явно чем-то недоволен.

Мое сердце начинает гулко стучать, когда я вижу, как он обрывает разговор и спешно направляется в мою сторону.

– Тоня... – быстрый взгляд на хозяйку дома, потом на меня. – Лиз... Прости, мне нужно уехать.

Глава 5

– Уехать? – зачем-то переспрашиваю я, хотя прекрасно расслышала с первого раза. – Прямо сейчас?

Тоня деликатно оставляет нас двоих под предлогом взять еще овощей из холодильника. Хотя кому нужна добавка, если один из нас уже уезжает? Мы столько никогда не съедим.

Я почему-то смотрю на мангал, где дымятся шашлыки. Тоже странно: я есть совсем не хочу.

Наверное, опасаюсь смотреть на Романа. Боюсь увидеть что-то такое в его глазах, что разрушит нас. Что-то, что подтвердит – он уезжает к ней – к той, которая полюбила со мной переписку.

– Ну что ты так волнуешься? – Роман присаживается предо мной на корточки и сжимает мои ладони в своих.

Это он хорошо, это он вовремя, потому что я понимаю, что у меня мерзнут руки. Он это тоже чувствует: сжимает их сильнее и дует. Отогревает меня. Так, что я снова могу спокойно дышать и смотреть на него.

Теплый взгляд.

А за ним – ничего. Ни единого намека на то, что мне есть чего опасаться.

– Все хорошо, – он говорит со мной мягко, как с ребенком, которому приснился плохой сон. – Все будет хорошо. Просто мне нужно уехать.

– Это по работе?

Он улыбается.

– Ну а что еще меня могло бы от тебя оторвать?

Я облегченно выдыхаю. Но отпускать его так не хочется, что я перехватываю его ладони своими – пусть думает, что мне еще холодно.

– Может, мне поехать с тобой?

Он смеется.

– Ну а что? Если твои работники так плохо справляются, что ты вынужден срываться в свой выходной, я буду тебе помогать!

Он с улыбкой смотрит на мои губы и качает головой.

– Ты будешь меня отвлекать. К тому же, шашлыки выдались очень вкусными – что я, зря, что ли, старался?

– Убедительно, – соглашаюсь я. – А это точно не может никак подождать? Просто ты сам говорил: неудобно, нас пригласили друзья, оставим отказ на случай потяжелее.

Он отводит взгляд в сторону. Видно, ему и самому не очень-то хочется ехать. И еще меньше – отказывать мне. И я чувствую сожаление в его голосе, когда он отвечает:

– Это как раз такой случай.

Я начинаю злиться на его коллектив. Но, конечно, оставляю свое мнение о нем при себе. Это бизнес Романа, это он его выстраивал и собирал команду. Ему не понравится критика. Так что единственное, что я могу сделать – взять свои эмоции под контроль.

– Хорошо, – соглашаюсь. – Одну минуту!

Высвободив руки, я мчусь к мангалу. На ходу оборачиваюсь и проверяю: сбежал или нет?

Нет, ждет меня. Легкая недоуменная улыбка – наверное, думает, что я тороплюсь продегустировать при нем, раз он так расхваливал.

– Артур, мне нужно что-то, во что положить шашлыки для Романа, – прошу мужа Тони.

– Момент!

Чем он мне нравится – никаких лишних вопросов. И всегда находит выход из положения.

Так было с Тоней, которая не восприняла их знакомство всерьез и замуж выходить за него не планировала. Так было с работой, когда он долго не мог устроиться в компании, которые хотел – взял и создал личный стартап. Это потом уже они с Тоней открыли свой ресторан, для души, так сказать. В качестве хобби.

Вот и сейчас он из ниоткуда выуживает контейнер для пищи и обнажает пару шампуров, чтобы его наполнить.

– А пахнет и правда безумно вкусно! – хвалю я искренне.

И под довольной улыбкой Артура мчусь обратно к мужу, который уже топчется у ворот.

– Вот, – вручаю ему контейнер. – Ты сам сказал, что очень старался. Так что будет справедливо, если ты тоже попробуешь!

– Мне попробовать первым? – ухмыляется он.

– Иди уже, – смеюсь я. – Я тебе доверяю.

Улыбка на его губах тут же тускнеет. Он долго смотрит в глаза и коротко роняет:

– Спасибо.

Всего одно слово. Но как будто тысячи скрытых слов в этих семи маленьких буквах. И десятки наших моментов из жизни:

– *Я тебе доверяю, – говорю я, когда мы беремся за руки и я впервые вместе с ним прыгаю с парашютом.*

– *Я тебе доверяю, – говорит он, когда проспорил мне и расслабленно лег, чтобы получить свое наказание – полную депиляцию.*

– *Я тебе доверяю, – мои слова сквозь слезы, когда врачи один за одним твердят, что у меня не получится забеременеть, а Роман говорит, что они ошибаются.*

– *Я тебе доверяю, – его лукавая улыбка, когда я впервые после сдачи на права села за руль, а он на соседнее сиденье в качестве пассажира...*

– Лиза! – выдергивает меня из воспоминаний голос подруги. – Иди сюда, хватит смущать наши ворота!

Улыбнувшись, возвращаюсь к подруге. И правда, что тут стоять? Роман уехал. Ну задумалась – с кем не бывает? Это все осень. Пора ностальгии.

– Чай свой пить будешь? – она кивает на чашку и заговорщически улыбается. – Я бы посоветовала пару минут потерпеть и выпить под шашлычок чего поинтересней.

Я трогаю чашку – совсем холодная, и с готовностью отодвигаю ее в сторону.

– Прислушаюсь к мудрому совету хозяйки ресторана!

– Вот и правильно! – хохочет Тоня.

– Тетя Лиза! Тетя Ли-иза! – ко мне подбегает Матвей, дергает за низ свитера и жалобно заглядывает в глаза. – Тетя Лиза, мой крестный уехал!

– Да, малыш, уехал.

Он выглядит очень расстроенным. Темные бровки домиком, ротик поджат, то и дело так тяжело вздыхает, что хоть самой садись с ним и плачь.

– Как же я теперь? – недоумевает он, разводя ручками. – Как я без него? Совсем один, получается?

Тоня, слушая нас, тихонько смеется. Артур с усмешкой приносит к нам шашлыки. Забавный такой малыш. Такой трогательный.

– Ну почему один? – ласково говорю я. – У тебя есть папа и мама. Ты совсем не один.

Он снова вздыхает. Оборачивается, смотрит на них. Согласно кивает. А потом манит меня пальчиком, чтобы я склонилась и громко шепчет, не сомневаясь, что его никто, кроме меня, не услышит:

– Это мама и папа, тетя Лиза. Это не крестный. С ним всегда весело. От него мне никогда не влетает. И конфеты он никогда не считает. А теперь его нет. Вот если бы... Тетя Лиза, когда вы приедете со своим мальчиком, чтобы мне не было скучно? Я бы с ним делился конфетами.

Мы бы с ним играли, я бы ему даже игрушки свои подарил! Медвежонка. Ему бы понравился мой медвежонок?

Горловина свитера снова начинает душить и я слегка ее оттягиваю, чтобы вдохнуть чуточку глубже.

– Да, – я согласно киваю и прочищаю запершившее горло: – Уверена, он бы ему очень понравился. Ты знаешь что... ты присмотри за медвежонком. Пусть он пока поживет у тебя.

– Хорошо, – тут же широко улыбается мальчик. – Обещаю! Я прямо сейчас пойду посмотрю, как у него дела!

И уносится в дом.

Хорошее время – детство. Все просто, все простодушно, все от души. И все так беззаботно.

– Лиза, прости... – начинает Тоня.

– Перестань, – отмахиваюсь. – Все в порядке. Нет, правда в порядке. У тебя замечательный малыш.

Подруга медленно выдыхает. Артур тоже заметно расслабляется и приосанивается – мол, его работа!

Мы с Тоней переглядываемся и смеемся.

– Все, давайте уже наконец-то есть! – объявляет подруга. – А то все такие занятые – как бы еще кто по важным делам не ускакал.

– Я отключил телефон! – тут же оправдывается Артур.

– Ты ж моя умничка! – хвалит его жена и целует, от чего его суровое лицо немного смягчается. – Вот тебе за это первый кусок. Самый большой, самый красивый.

– Первый и самый красивый уже у Романа, – притворно обиженно жалуется Артур.

Это забавно. Потому что он высокий, крепко сбитый, как большой и суровый медведь. А сейчас больше напоминает медвежонка своего сына. Ну а что, если так обнимают, жалеют и так целуют – можно временно и сменить натуральный мех на искусственный.

– Вот тебе два! И еще... снова тебе. И это тоже тебе, – продолжает ворковать над ним Тоня, и подкладывать мясо тоже не устает.

Я с этим справляюсь сама. С шашлыками медлить нельзя. Вот они есть – и вот их нет. А вкусно! Действительно вкусно! И сидим мы хорошо и душевно. Даже дождик перестал стучать по крыше крыльца, чтобы не мешать посиделкам.

– Надо взять за правило по возможности собираться почаще, – подперев кулаками щеки, говорит Тоня. – Хотя вряд ли получится, конечно. Мы как раз подыскиваем новое помещение под второй ресторан. Потом ремонт... Когда и удасться? Ой! Разве что на день рождения Романа! От этого и он не отвертится. У него же скоро, да?

– Угу, – подтверждаю с улыбкой. – Даже соскучиться не успеем.

– А вы у нас будете отмечать? Ну, я надеюсь, что у нас, да? – Она игриво двигает бровями. – Обещаю пробить у владельцев хорошие скидки.

– Уверена, я бы с ними договорилась на куда более лучшие условия, – хмыкаю я. – Не знаю, Тонь. Мы еще не обсуждали с Романом. У него то дедлайны, то выставки. То вот, сама видела...

Она понатливо кивает.

У Романа – крупный бизнес. Их архитектурно-проектный холдинг разрабатывает проекты бизнес-центров, жилых комплексов, ТРЦ, мостов, отелей и даже аэропортов. Поэтому я и не возникаю особо. Тут, может, судьба самолетов решается! А я буду доставать его мелочами.

– Ладно, понятно, но если что... – закругляет тему подруга.

– Обязательно, – улыбаюсь. – Спасибо большое!

Обратно домой я возвращаюсь довольно поздно и на такси. Это понятное дело – машину же взял Роман.

Дома его нет. Пока была в гостях, сбросила сообщение, думала, может, он освободится пораньше и заедет за мной. Но он не ответил.

Я делаю чай и сажусь на подоконник у большого окна. Жду его. Во двор одна за одной въезжают машины соседей, но его нет.

Я то и дело смотрю на свой телефон. А потом... не знаю, что мною двигает. Я пишу сообщение. Ей.

«Что-то давно тебя не было слышно. Как прошел день?»

Она отвечает через пару секунд:

«Подозреваю, куда лучше вашего!!!»

Пальцы становятся влажными от легкого страха. Спина распрямляется так, что становится больно упираться в оконный косяк.

Заблокировать ее.

Заблокировать и забыть.

Так будет лучше всего.

Но я снова пишу, держа телефон двумя руками, чтобы не выскользнул:

«Как много эмоций... Ты что, на строгой диете?»

«Вот еще! Но если вы переживаете, хватит ли у меня сил отбить у вас мужа, не беспокойтесь!! Докладываю – я сегодня очень вкусно поужинала! Так, что даже и не рассчитывала!!!»

Я отрываю взгляд от экрана, потому что строчки перед глазами начинают слегка сливаться в единую линию. Становится холодно. Так холодно, что я бы с удовольствием надела свитер, который мешал целый день.

Холодно, а воздуха не хватает.

Я приоткрываю окно.

Город гудит чужой жизнью, переливается огнями. Ветер гладит по волосам и усердно дует в лицо, как бы уговаривая – эй, ты чего? Приходи в себя. Видишь, как мы все тебе помогаем.

«И чем же?» – пишу, затаив дыхание.

На этот раз она тоже медлит с ответом.

Учится у меня. Копирует. Глядишь, и со знаками препинания поработает. Что только не лезет в голову, пока я жду от нее сообщение.

«Мясом, конечно! Вы же в курсе, что Роман любит мясо, не так ли?!»

Я закрываю окно.

Потому что меня начинает откровенно морозить.

«Конечно, дорогая, – пишу. – Как известно, кролики – это не только ценный мех...»

В ответ на свою провокацию я получаю ржущий смайлик и быстрый ответ:

«Ой, фу блин!! Фу-фу-фу!!! Я ем исключительно курицу!! Фу-уу!!!»

Я медленно выдыхаю и печатаю:

«Молодец, дорогая. Так держать. Спать будешь лучше. Тем более в одиночестве. А я пойду покормлю мужа его любимыми бычьими хвостиками»

И с улыбкой блокирую и этот номер.

Очередная пустышка.

Я пытаюсь дождаться Романа, но сон меня все-таки накрывает. Целый день на природе для городского жителя – это весьма утомительно. Много воздуха, много эмоций.

Он возвращается поздно.

Я не сразу понимаю, почему просыпаюсь – то ли от шороха, то ли потому, что почувствовала его присутствие.

Секунда – и я уже не сплю. Просто лежу, не двигаясь, не открывая глаз, прислушиваясь к своим ощущениям. К тишине, которая уже не пустая.

Негромкий гул вечно неспящего города за окном.

Мерное дыхание рядом.

Открываю глаза и вижу Романа. Он лежит на боку, подперев голову рукой. В одежде. Почему-то в той же одежде.

Смотрит на меня. Просто смотрит, как я на него.

Не знаю, сколько он уже так лежит. Хочу спросить его, как дела? Хочу спросить, почему не переодевается? Хочу спросить: хочет ли есть?

– Спи, спи, – шепчет он, будто прочтя все эти вопросы и отметая их одним махом.

Его пальцы ласково скользят по моим волосам, и мои глаза расслабленно закрываются.

Я слышу, как он осторожно поднимается с кровати. Слышу, как что-то вибрирует. Слышу, как он выходит из комнаты и тихо закрывает за собой дверь. И слышу его тихий голос:

– Нет. Нет, я уже все решил... Не нужно больше звонить. Нет. Я принял решение.

Глава 6

– Тебе глазунью или омлет? – спрашиваю я, услышав за спиной тихие шаги мужа. Обернуться.

Нужно обернуться и посмотреть на него...

Но я пока не могу.

Полночи смотрела, всматривалась в родные черты. Изучала маленькие морщинки у глаз – обычно их видно, только когда он улыбается. Но ночь была беспокойной и для него тоже. Он хмурился, как будто гнал от себя тревожные сны или мысли, вот и проявились эти морщинки.

Полночи смотрела на него, а сейчас не могу.

Мне нужна пара секунд, чтобы собраться с духом и увидеть его глаза. Слишком много совпадений – духи, губная помада, его срочный отъезд из дома друзей, тихий ночной разговор с невидимым для меня собеседником.

– По-моему, у меня нет выбора, – говорит он с улыбкой в голосе, а потом подходит ко мне и легонько накрывает мою руку, которой я активно орудую венчиком, взбивая яйца.

Я медленно выдыхаю.

Разворачиваюсь и будто прыгаю в бурный поток, устав бродить по туманному берегу и гадать: есть ли тут острые камни? Если они есть, я хочу знать. Как минимум, чтобы взять удобную обувь.

– Всегда есть выбор, Ром. Например, я могу сделать омлет только себе. А ты, например, можешь не дожидаться скандала и сказать прямо, кто тебе звонит по ночам.

Его взгляд на доли секунды прячется за ресницами. И я уже накручиваю себя до чертиков, когда он согласно кивает. А потом достает из кармана спортивных брюк свой телефон и передает его мне.

Мелькает смутное подозрение, что там не будет этого вызова. Так просто стереть. И списать все на то, что мне все это приснилось.

– Так-так-так, – бормочу я, силясь удержать улыбку, которая то и дело соскальзывает. – Кто у нас тут? Кому тут не спится?

Это я так себя успокаиваю, пока открываю звонки на его телефоне. А когда вижу время и имя вчерашнего абонента, улыбка все же слетает. Но это от удивления.

– Папа? Тебе звонил папа?!

– Прости, я передам своей любовнице, что очень сильно разочаровал тебя из-за ее лени.

– Погоди, а... Почему он так поздно звонил тебе?

– И папе передам, что у него теперь тайминг, – хмыкает Роман, наблюдая за моим изумлением.

– Погоди... а вот это «я уже все решил... не звони мне больше... я принял решение»... – припоминаю обрывки его разговора. – Это вы о чем говорили?

– О моем дне рождения. Отец предлагал собраться у него. Я сказал, что мы будем на даче.

– «Не звони мне больше...» – это про дачу?

– Ну ты же поленилась встать, чтобы подслушать до конца, – он щелкает меня по носу и дополняет суть разговора: – Не звони мне больше по таким пустякам. Тем более так поздно. А то у меня очень ревнивая жена... Ага, сам в шоке и только узнал.

Я смеюсь. Пружина, сжимавшая сердце, наконец отпускает, и оно снова бьется. Бодро и весело.

Конечно, про ревнивую жену он папе не говорил, а только что сочинил. Зато остальное все – правда.

Даже не верится, нет, правда, даже не верится, что я хотя бы на минуту могла предположить, что Ромка мне изменяет!

– Хорошо, – выдыхаю я. – Хорошо, с этим разобрались. И я так поняла, что с тем, где мы будем отмечать твой день рождения – тоже. Хорошо. Я, правда, думала заказать для этого случая столики в самом лучшем ресторане города. Даже провела предварительные переговоры с хозяевами, которые обещали приличную скидку. Но пусть так. Пусть будет на даче.

Я делаю паузу и пытливо смотрю на него.

– Есть еще что-то важное, что ты мне забыл рассказать?

Роман пожимает плечами и без паузы уверенно отвечает:

– Нет.

– Прекрасно! А хочешь... – говорю я, воодушевившись. – Хочешь на завтрак красную икру?! Или рыбу?!

Он тепло улыбается.

Обнимает меня и признается куда-то в макушку:

– Не надо. Мне моей золотой рыбки хватает.

– Как удобно. Я все гадала, в чем сегодня идти на работу? А после такого признания я даже не против надеть чешую. Как на это смотрят твои синоптики?

– Сегодня дождь. Так что можно.

Золотой рыбке полагается только хвостиком крутить и сверкать, а не надрываться на кухне, так что завтракаем мы омлетом. Чай выпить не успеваем, потому что у Романа звонит телефон.

Усмехнувшись, он демонстрирует мне экран, шепчет: «с работы» и выходит из-за стола. Да, это правда. Хотя я даже не взглянула на имя абонента, но слышу обрывки его разговора, пока быстро все убираю.

– Какие планы на день? – интересуется муж, когда мы спускаемся в лифте. – Вижу, чешую ты дома оставила.

– Да, решила сегодня прогуляться в шкурке царевны-лягушки.

Я поправляю рукав малахитового свитера, который норовит выбиться из-под куртки. А потом решаю на этом не заморачиваться. Одета я просто, но удобно. Ворот с вырезом и не давит, джинсы комфортные. Кто меня будет рассматривать?

– Хочу заглянуть на пяточок с уличными художниками, – признаюсь я. – Мне не дает покоя картина, которую я упустила.

– Никогда не понимал твоего стремления тратить время и деньги на то, что никому не интересно.

– Мне интересно. И это не трата. Это вложения. И когда-нибудь они точно окупятся, – я угрожающе машу ему пальцем. – Вот увидишь!

– Думаешь, способ прожить до двухсот изобретут уже совсем скоро?

Я смеюсь.

Так, с улыбками на лице, мы проходим мимо Антона. Он тоже нам улыбается. А вот потом мы толкаем подъездную дверь и...

Первое, что я вижу – солнце. Яркое солнце, которое встречает нас лучиками в глаза. Ну это уж чтобы мы точно не усомнились.

– Наверное, с долголетием придется чуть-чуть подождать, – говорю я с сожалением. – Есть задача важнее – сначала бы синоптикам научиться с прогнозом угадывать.

Роман, как будто ему мало увиденного, проверяет погоду в мобильном. Пока он отвлекся и занят делом, я вручаю ему свой зонтик, который по его вине захватила из дома, и направляюсь к своей машине. Вот пусть теперь носится с ним, а то я точно забуду в багажнике.

Со двора он выезжает раньше меня. Улыбнувшись, сигналист и скрывается за воротами комплекса.

А я теперь тоже занимаюсь делами – смотрю на свое отражение в зеркале и вбиваю координаты в навигатор. Нет, дорогу я знаю, но так все же надежней.

И уже собираюсь ехать, когда телефон вибрирует сообщением.

Незнакомый номер – ну да, уже почти привычное дело. Вот только на этот раз я получаю не письма, а яркую фотографию.

Мазнув по ней взглядом, я вижу Романа и какую-то незнакомую девушку. Ее лицо в кадр не попало. Ясно только, что это брюнетка. Волосы длинные, заколоты китайскими палочками с дешевыми голубыми камушками на верхушке.

Вокруг них идиллия – осень, желтые листья у ног, и они так тепло обнимаются, что солнце там лишнее.

«Могу сдать скидку на курсы по улучшению навыков в фотошопе», – пишу я.

После чего стираю и блокирую все сообщения и вызовы с незнакомых номеров. Да простят меня мобильные операторы за грядущее падение продаж по сим-картам!

Обычно уличные художники тусуются на двух улицах нашего города. Вернее, одна – это улица, а вторая – площадь. Но сегодня будний день, так что больше шансов встретить того, кого я ищу, именно на площади. Там всегдалюдно и много туристов. Правда, проблема припарковаться, но я с этим справляюсь.

Оставляю машину на паркинге крупного торгового центра и до точки просто прогуливаюсь пешком. Тем более что погода прям шепчет. Как и мое настроение. Постоянно хочется улыбаться.

Я даже не думала, что так сильно переживала. Вот вроде бы не впервые, и через такое я уже проходила, а почему-то на этот раз зацепило. Смешно – я даже вступила в переписку с той, которая мечтала бы занять мое место.

Милая, для этого нужно было родиться как минимум на десять лет раньше.

Уверена – это какая-то девчонка. Совсем неопытная, но очень-очень настырная и беспринципная врушка.

Ей просто нужно принять тот факт, что повезло мне, а не ей. Мне вообще довольно часто везет – с хорошим мужем, с его отцом, со своими родителями, с друзьями. Повезло заниматься любимым делом и иметь возможность тратить без зазрения совести на любимое хобби.

Это Роман так просто ворчит. Да, он не понимает моего увлечения. Искусство – это вообще не его. Предложи ему картину из Лувра, он скажет, что в нашем гараже и так уже тесно. Но он никогда не мешает. Более того, поддерживает, как может. Частенько – финансовыми вложениями. Или советами, как про маску.

До сих пор корю себя, что позволила перебить мой лот какому-то незнакомцу.

Но зато мне и сегодня везет – и художника я нахожу, как и надеялась, на площади города.

Их сейчас немного, всего пятеро. Но его потертые джинсы, свитер и этот беспорядок на голове весьма узнаваемы.

– Гриш, а как ты думаешь... – за пару шагов до моего приближения он отходит к приятелю по соседству, а я останавливаюсь и с интересом рассматриваю картины.

Они расставлены на небольших деревянных дощечках, которые он использует в виде подставок. Он любит пейзажи. Но не просто природу, а с какой-то историей или с каким-то надрывом.

На выставке были море, чайка и коршун. А вот белка сидит в ветках хвои, нагло грызет орешек, а по стволу дерева медленно подкрадывается змея. Или вот – закат, безумно красивый закат. Лучи солнца отчаянно слепят и прощаются с морской волной и исчезающими следами на горячем песке, которые она стирает, чтобы утром, когда солнце вернется, можно было написать что-то новое.

– Ох... здравствуйте! Это вы!

Я настолько засматриваюсь, что даже вздрагиваю от радостного голоса рядом с собой.

– Добрый день, это я, – улыбаюсь подошедшему художнику и киваю на его работы. – Очень красивые.

– Спасибо, – он улыбается в ответ. – А еще, по секрету... На продажу от них теперь даже можно что-то купить!

– Ух ты! И что вы купили?

Он дергает свой свитер, выдавший виды, и со счастливой улыбкой хвастается:

– Новые краски и кисти!

Вот почему-то это его радость, а я тоже не могу перестать улыбаться.

– Ну что ж, – говорю я, снова взглянув на картины. – Может, и сегодня вам повезет? Мне приглянулась эта картина...

Я киваю на ту, где уходящее солнце, море, песок и такая осязаемая грусть, что ее как будто даже можно потрогать.

– Ой, нет! – тут же восклицает художник. – Нет, эту я вам не продам!

– Почему? – удивляюсь я.

Он какое-то время молча рассматривает меня, как будто что-то прикидывая в уме, а потом поясняет:

– Вам нужна другая картина. Как вы. Вам нужен рассвет! Не надо, не покупайте эту. Ко мне тут должен один потенциальный клиент подойти – ему отдам, а вам нет. Я вам новую напишу!

– Серьезно?

У меня даже дыхание перехватывает от восторга. Ой, хочу! Хочу такую картину! Хочу, чтобы он ее для меня написал.

– Хорошо, – подмигиваю. – Пишите. А о сумме договоримся!

– Напишу, – он подмигивает в ответ. – Но только в подарок.

– Да не надо, я же...

– А иначе никак!

Он тут же становится очень-очень серьезным, и у меня не остается шанса с ним спорить.

– Спасибо большое! – благодарю я.

– Это вам большое спасибо, – не остается в долгу. – Вы принесли мне удачу.

– Ну раз так, – я кокетливо улыбаюсь. – Не забудьте это отметить потом в своих мемуарах.

Он согласно кивает и улыбается.

– Ну все! – радуюсь я. – Будем считать, след в искусстве я тоже оставила – можно спокойно жить дальше!

– А то!

– И все-таки... – я приближаюсь к картинам. – Как у вас так получается?... Они как живые... Честно, я бы все их купила!

– Поздно.

– Почему? – удивляюсь я.

– Потому, участник под номером два, что эти картины уже купил участник под номером один. То есть, я.

Резко обернувшись, я встречаюсь с серыми глазами незнакомца с аукциона, перехватившего тогда лот.

Глава 7

Он стоит в двух шагах от меня. Черные брюки, черный пуловер, черное распахнутое пальто. Но не потому, что жарко. Скорее, чтобы не сковывало движений.

Он высокий. У меня метр семьдесят, я в кроссовках, и мой взгляд на уровне его подбородка. Приходится чуть запрокинуть голову, чтобы встретиться с ним глазами.

Сейчас он выглядит еще более мощным, чем мне тогда показалось. Возможно, из-за этой черной одежды. Или потому, что он сейчас близко.

Я чувствую легкий озноб от того, как пристально он смотрит в глаза. Он выглядит как пожиратель теней в этот солнечный день.

Строгий.

Холодный.

Овеянный запахом сандала, кедра и морозного ветра.

И все же глаза его слегка выдают – где-то там, в глубине этих серых омутов застыли осколки улыбки. Именно это помогает мне снова расслабиться.

– Купил? – удивленно переспрашиваю я. – По-моему, если картины еще не у вас, а у всех на виду, все не так однозначно.

Перевожу взгляд на художника.

– Вам за них уже заплатили?

Тот качает головой, хочет ответить, но мой соперник с аукциона делает это первым. Видно, что любит и привык доминировать. Низкий тембр голоса – как еще один штрих, который дополняет эту догадку:

– Я как раз за этим приехал. И за картинами.

– Какое приятное совпадение. Я тоже. – Снова смотрю на картину с закатом. – Она просто невероятная! Сколько вы за нее хотите?

Художник бросает на меня растерянный взгляд, и я незаметно подмигиваю. Но он все равно не решается озвучить сумму.

– Хорошая попытка, – слышу за спиной голос участника под номером один. – Но мимо. У нас уже договоренность с художником.

– Ай, – отмахиваюсь легкомысленно. – Это было необдуманным порывом, только и всего. Просто потому, что у мастера не было предложения лучше. А я могу его сделать.

– Вряд ли.

Голос мужчины звучит спокойно, без нажима, но с такой мощной уверенностью, что я на секунду теряюсь.

А потом вспоминаю слова мужа о том, что нужно уметь держать маску, и вдохновляюсь продолжить эту маленькую авантюру.

Глубокий вдох.

Выдох.

Улыбка.

Он мне должен хорошее настроение за прошлый аукцион. А сейчас мне так забавно за ним наблюдать.

– Скажите, – я снова обращаюсь к художнику, – сколько вам предложили за эту картину?

Он мнется, но все же бесхитростно признается:

– Целых пятьсот евро!

– Пятьсот?! – удивляюсь я. – Вы что же, продали это чудо дешевле, чем ту картину с аукциона?! Поверить не могу в такое преступление против искусства!

Оборачиваюсь к сопернику в порыве своего возмущения, и натываюсь на пристальный взгляд.

В нем нет осуждения.

Нет удивления.

Он смотрит так, будто на его глазах медленно рушится мир, и он впервые не знает, что с этим делать.

Ой, не могу... какой же чудесный сегодня день! Улыбка теперь просто не сходит с лица, хочется всех обнять.

Ну, почти всех.

– Я просто обязана исправить эту несправедливость! – говорю я, снова обернувшись к картине. – Даю тысячу, не торгуясь!

– Эмм... – это художник.

А у меня за спиной тяжелый вздох, как взмах черных крыльев и коротко, сухо:

– Полторы.

От неожиданности вновь оборачиваюсь и смотрю на соперника. Мне кажется, даже солнышко спряталось за случайно пробежавшее облачко, наткнувшись на этот взгляд. А тень, скользнувшая по его лицу, сделала черты еще более жесткими, угловатыми.

Холодно.

От него должно же быть холодно.

А мне жарко, и такой азарт, такая волна предвкушения накатывает, что меня едва не сметает от удовольствия.

– Две, – делаю новую ставку.

А вот сейчас стихло все – коллеги художника, птицы, гул машин в отдалении. Стучит только сердце. Вернее – два. Мое и художника.

Он уйдет.

Он сейчас развернется и просто уйдет.

Он договорился, он не должен сейчас торговаться. Моя игра закончится быстро и глупо. Нет, конечно, я что-то куплю. Хотя бы эту картину. Но мне бы уже так хотелось другую...

– Две с половиной.

Я медленно выдыхаю.

Делаю вид, что колеблюсь, что сомневаюсь – стоит ли? – но взгляд не отвожу. Нельзя. Если отвернусь, если даже просто моргну...

– Три... – выдыхаю чуть слышно.

Вообще-то я хотела сказать это громко, уверенно. Просто так получилось. Одно дело – надеть маску, а другое – ее удержать.

– Хорошая ставка.

У меня от волнения даже ладони потеют, а он спокоен, расслаблен.

Это провал.

Это точно провал.

Я прячу ладони за спину и задираю вверх подбородок – ну, если и падать, то с высоко поднятой головой.

На губах моего соперника мелькает понимающая улыбка, от которой меня бросает в жар. Я чувствую себя так, будто томлюсь в котле из отчаяния.

– Три с половиной. За все. Это моя последняя ставка.

Я жадно хватаю ртом воздух. И, кажется, впервые моргаю с момента начала наших торгов. Его ставка – как спасательный круг, который он бросает в котел. Я вдавливаю ногти в ладони, чтобы не выдать себя и притворно грустно вздыхаю:

– Ну что ж поделать... Ваша взяла! Ладно, до свидания, найду в другой раз. Когда поплачу и переживу это горе.

Шагнув к художнику, я порывисто его обнимаю – мне можно, я же в печали, мне нужно сильное плечо, чтобы чуть-чуть успокоиться. Правда, тут еще непонятно, кому нужна помощь

– плечи художника подозрительно расслабляются, а сам он выглядит так, будто готов упасть в обморок.

Один мужчина у моих ног уже был – это закончилось браком. Хватит, пожалуй.

– Как думаете, когда мне лучше зайти? Через пару недель? Через месяц? – спрашиваю жизнерадостно, чтобы и его немного взбодрить.

– Эм... Ой! – он светлеет лицом, когда понимает, о чем я. – Через пару недель уже можно, я думаю. Я буду очень-очень стараться! У меня теперь будет много хороших красок и кистей. И вы уж, пожалуйста, постарайтесь к тому времени упокоиться, ладно? Вам слишком идет, когда вы улыбаетесь.

– Хорошо, – соглашаюсь я и подмигиваю ему. – Обещаю, что тоже буду очень-очень стараться.

Оторвавшись от художника, я вижу перед собой растерянного, но очень счастливого человека. И прям делаю усилие над собой, чтобы уже не начать улыбаться. Но мне же еще нужно изобразить грусть для соперника.

– Что ж, – говорю я, обернувшись к нему. – Рада была с вами увидеться! То есть... В общем, прощайте!

Пока не наболтала еще чего лишнего, я спешу покинуть эту замечательную компанию.

– Мне тоже понравилось, – слышу низкий голос спустя пару шагов. – Только, номер два, в следующий раз, когда мы схлестнемся, не сдавайтесь так быстро.

Я даже с шага сбиваюсь.

От его наглости.

Высокомерия.

Этого «номера два».

И от его невыносимой уверенности, что у нас с ним будет этот следующий раз.

Я иду по площади совершенно счастливая. Меня все еще немного потряхивает, а на кончиках пальцев будто искорки пляшут.

– Капучино, пожалуйста, – прошу я, остановившись возле уличного бистро.

– Пенки побольше? – спрашивает парень, вовсю улыбаясь.

Веснушчатый, молодой, радующийся жизни, как я. Просто замечательная компания, чтобы перевести дух и насладиться победой.

– Побольше! – подтверждаю я, широко улыбаясь в ответ.

– Маршмеллоу добавить?

– Побольше!

Отхожу от него совершенно довольная, устраиваюсь у столика и наблюдаю, как маршмеллоу медленно растворяется, превращаясь в красивую пенку.

Нет, ну надо же, какая я все-таки молодчинка! Какая я умница! Как ловко обставила этого участника под номером один! И какая ирония, что это сделал участник под номером два! Уф-ф...

Хочется танцевать!

Как он смотрел...

Нет, кто бы видел, как он смотрел на меня...

До сих пор немного потряхивает, как будто я шагнула на оголенные провода.

На самом деле я бы легко его обскакала еще на аукционе, если бы меня не отвлекали всякими глупостями. Но тогда я бы не получила реванш.

Даже не верится, что у меня все так легко получилось. Да и он, наверняка, еще в шоке! Этот его взгляд на прощанье...

А тут я вспоминаю его улыбку, когда он назвал последнюю ставку, и до меня вдруг доходит...

Я торговалась, чтобы повесить цену первой картины. И повесила ее до трех тысяч. А он купил все – за три с половиной.

Все.

Не одну.

Кажется, я не помогла, а подставила художника. Если он давал пятьсот за одну, а там было около десяти картин...

И вот когда художник это тоже поймет... А он поймет, когда его эмоции улягутся, как и мои...

В общем, через две недели мне здесь лучше не появляться. Думаю, его ассоциации со мной точно изменятся. Вряд ли он мне подарит «Рассвет». А получить в подарок что-то типа «Лох года» или «На дне»... Нет, нет, не могу, против такой картины будет даже гараж!

Покаянно вздохнув, я достаю из сумочки апельсин. Яркий, чистится хорошо. А еще сладкий-сладкий. Я даже зажмуриваюсь от его вкуса. И вдруг слышу удивленное:

– Лиза! Поверить не могу! Это ты?

Открыв глаза, смотрю на Илону Кочевникову. Она стоит в паре шагов от столика – глаза огромные, осматривается по сторонам, как будто в шоке, как ее угораздило здесь оказаться. Идеальный макияж, укладка, ярко-красный шарф в цвет помады, дорогое пальто, туфли на шпильках, которые явно не предназначены для прогулок по брусчатке.

Она прищуривается от яркого солнца. Убедившись, что это все-таки я, опасливо подходит поближе. Прижимает к себе дорогую сумочку, чтобы ненароком не зацепиться за уличный столик.

– Я думала, что мне показалось... – бормочет она, брезгливо рассматривая шкурки от апельсина, дольку в моих руках и капучино с пушистой шапкой из пены. – На улице... здесь...

Я улыбаюсь. Илона – забавная. Ее муж работает в компании Романа, хороший специалист, на хорошем счету. Илона хорошо тратит его деньги. Впрочем, у нее и деньги папы имеются, так что она виртуозно это делает с детства.

Я удивлена этой встречей не меньше. Не думала, что она хоть когда-нибудь выходит из своей машины, чтобы пройти рядом с обычными смертными.

– Привет, – говорю я. – А почему нет? Хороший день. Хороший капучино. Кстати, ты хочешь?

Она, поморщившись, смотрит на парня в бистро и сжимает свою сумочку крепче.

– А апельсин? – протягиваю ей дольку.

– Лиза, эти твои деревенские привычки... – вздыхает она. – Я иногда забываю, откуда ты родом. Но ты мне об этом неустанно напоминаешь.

Я смеюсь. Ну, потому, что я – городской житель, пусть даже мой родной городок и поменьше, чем этот. И да, я пару раз как-то ее поправляла, но поняла, что это бесполезное дело.

– Но я тебе даже завидую, – вдруг выдает она, любуясь своими ногтями. – Я тут с ног падаю, ношусь, как белка в колесе, а ты – кофе, апельсинка. На чили, на расслабоне. Поразительно просто!

– А куда мне спешить? Одно важное дело я сегодня уже сделала. Могу отдохнуть.

Илона какое-то время внимательно меня изучает, а потом удивленно пожимает плечами и сообщает:

– Лиза, не знаю, сколько с тебя стряс мастер, но тебя обманули. Никаких изменений не видно.

– Каких изменений?

– Ну а что ты сделала? Интересный маникюр? Новую прическу? Прости, выглядишь ты неплохо, но как обычно.

– А что в этом плохого? Мне нравится.

– Это понятно. Это хорошо. И в повседневной жизни даже симпатично.

– Спасибо, Илона, – усмехаюсь я.

– Но ты так спокойна... Не знаю, я, честно говоря, уже устала. Эта подготовка... Пока найдешь подходящее платье... Это выматывает. И хотела б отдохнуть, как ты – не могу!

– А куда ты так готовишься? – спрашиваю я с подозрением.

Нет, понятно, что если Роман пригласил их с мужем на день рождения – это его дело. Но мы не слишком близко общаемся, а мне бы хотелось, чтобы там были только свои. С Илоной же нужно постоянно быть на чеку, чтобы твоя самооценка не разбилась вдребезги. Слегка утомляет.

– Как куда? – удивляется она, встряхнув светлыми длинными кудряшками. – Естественно, на корпоратив «Вертикали». Семь лет компании – приличный срок. Понятно, что владелец – твой муж. Но и мой сделал достаточно, так ведь? Так что я не могу его подвести, я должна выглядеть на все сто. К тому же, там будут серьезные заказчики и инвесторы. Нужно произвести на них хорошее впечатление. Ничего не успеваю... А вечер уже в эту пятницу! Все будет с женами. Понятно – похвастаться, так что...

Она тараторит, тараторит, а я просто смотрю на нее. Просто смотрю, не в силах вставить хоть слово.

Смотрю и все еще улыбаюсь, как дура.

– Хотя да, – небрежно машет рукой Илона, – у тебя же, кажется, своя парикмахерская. Ты можешь не думать о прическе, тебе все сделают в любую минуту. Но платье... Лиза, кстати, может, мне зайти в твою парикмахерскую? Там как? Прилично?

– Салон, – поправляю машинально. – У меня два салона. Но зайти не получится, извини. У нас запись на месяц вперед.

– Надо же... – удивляется она. – Наверное, у вас огромные скидки. Или стригут начинающие. Ну ладно. Побегу. Это у тебя все схвачено, а мне еще нужно побегать. Пока, дорогая! Кстати, в «Люксус» за платьями не ходи. Я там все просмотрела – не на что глянуть. В таком точно на вечере не появишься!

– Угу.

Я вижу, как она уходит.

Еще долго смотрю ей в спину и на то, как развивается ее красный шарф.

Сжимаю ладонями холодную чашку с капучино. Делаю первый глоток. Почему он несладкий? Почему он такой несладкий?..

А в мыслях проносится утро – яркое, солнечное, но почему-то отдающее легкой горечью, как мой капучино.

«Есть еще что-то важное, что ты мне забыл рассказать?»

«Нет».

Глава 8

– У нас что-то случилось? – настороженно спрашивает Славик, рассматривая меня.

– Нет, с чего бы? – удивляюсь я. – Тебе что, бухгалтер что-то не досчитал?

Он оборачивается, проверяя, не подслушивает ли кто, а потом заходит в мой кабинет и прикрывает за собой дверь. Виден опыт – давно в женском коллективе работает. Если ты никого не видишь и не слышишь – это не значит, что никто не видит и не слышит тебя.

– Хорошо, – он задумчиво потирает лысину, подбирая слова, и кивает на два торта, которые я принесла. – Хорошо, я спрошу по-другому. Елизавета Матвеевна, у вас что-то случилось?

– Нет, с чего бы? – повторяю я машинально, но наталкиваюсь на его взгляд и сдаюсь: – Не знаю. Не думаю. Надеюсь, что нет, но...

Не люблю носить маски.

Не мое это.

Я устало выдыхаю и нервно кручу на пальце кольцо. На самом деле, после встречи с Илоной я не могу найти себе места.

До пятницы еще куча времени. Роман мог просто замотаться и забыть предупредить меня о корпоративе. Это самое логичное объяснение. У меня бы и тени сомнений не было, не начини я получать эсэмэски.

Мой телефон заблокирован на новые сообщения и звонки с незнакомых номеров. А сомнения вместо того, чтобы рассеяться, множатся с катастрофической скоростью.

– Я знаю, что я себя просто накручиваю, – говорю я, помедлив. – Но не знаю, что с этим делать.

Славик кивает.

– Зато я знаю, – заявляет уверенно он. – Не ешьте торт, Елизавета Матвеевна, иначе вам будет плохо.

– Да, наверное, ты прав, – соглашаюсь я. – Я не очень-то и хотела. Вот, девчонкам взяла. Думаю, пусть, они же много работа...

Договорить я не успеваю – Славик молча покидает мой кабинет.

Мужчины! У них психика слабая. Минутку поныла – сбежал. Удивительно, как некоторые из них решаются стать психологами.

А вот, кстати, массажисты и стилисты тоже ведь отчасти психологи. Они выслушивают клиентов, они пытаются им помочь, и зачастую им удается сменить не только образ, но и настроение. А иногда даже жизнь.

Но ничего, буду в следующий раз осторожней. У нас и так в коллективе только один мужчина. Не хотелось бы его потерять.

Я смотрю на торты – один шоколадный, второй с маскарпоне. Вот кто тебя не предаст! Вот проверенный и древний способ утешиться!

Но стоит мне потянуться к ленточке первого тортика, как дверь снова распахивается, и я опять вижу своего массажиста.

– Елизавета Матвеевна! – восклицает обиженно он. – Вы же мне обещали! Женщины! На минуту оставил – и уже поменяла решение. Нет, видя все это, я так точно никогда не женюсь!

– Да я только ленточку поправила! – вру я с жаром. – Она закрывала срок годности. А я в магазине не посмотрела. Вот, думаю, гляну, чтобы девчонки не отравились.

Ну а что, не хочу я нести ответственность за то, что кеды его пра-прадеда останутся гибнуть в шкафу, а не перейдут кому-нибудь по наследству. Зачем мне на душе такой грех? Ложь во благо – вроде бы чуточку меньше.

– Они? Отравились? – переспрашивает Славик. – Да от запаха их лаков и гелей, которыми они пшикают каждый день, у всего дома тараканы сбежали! А у меня, может быть, последние

волосы выпали! А им все нипочем! Так что не переживайте, просроченным тортиком их вряд ли возьмешь!

– Ну, как скажешь, – покладисто соглашаюсь я.

И вообще, если подумать, есть в его словах доля правды. До того, как мы открыли здесь салон, соседи и правда были частыми клиентами санэпидстанции. А Славика на работу я брала с шевелюрой. Теперь из воспоминаний об этом – ксерокс его фотографии в паспорте. Но я была уверена, что он сам так постригся, выбрал себе новый образ. А поди ж ты... оказывается, всему виной вредное производство.

– Славик, – говорю ласково, – я проверила, со сроками все в полном порядке. Хочешь, я отрежу тебе кусочек побольше? Лучше два!

Ну, должна же быть хоть какая-то компенсация. Еще больше я платить ему не могу – сама разорюсь. Но выдать сладкую пилюлю – пожалуйста. Да и клиенты его щедро балуют чаевыми. Уверена, не последнюю роль здесь играет его брутальный образ, не только мастерство. Надо бы ему намекнуть. Успокоить.

– Елизавета Матвеевна, это, конечно, все очень соблазнительно... – он укоризненно качает головой. – Но у меня предложение лучше. Собирайтесь, я за вами!

– Нет, я тебе доверяю... Но ты не мог бы сказать, куда именно ты меня приглашаешь, чтобы я даже не сомневалась, что твое предложение превосходит мое?

– Конечно! – он горделиво выпячивает грудь. – Я отменил ближайшие записи на сегодня и приглашаю вас прилечь на свой стол!

– Неожиданно так... – бормочу я задумчиво.

Но пока я размышляю, Славик действует. Подхватив оба торта, он выносит их в коридор и кричит девчонкам, чтобы забрали.

– Теперь, когда вас ничего больше не соблазняет остаться... – говорит он и по-джентельменски протягивает мне руку.

Ну а я падка на такие жесты и знаки внимания, так что поддаюсь на уговоры, и мы перемещаемся уже в его кабинет.

– Располагайтесь, – командует Славик, когда я выхожу после теплого душа. – На ближайшие два часа мой стол в полном вашем распоряжении.

Он отворачивается и начинает зажигать свечи. Много свечей. А я взбираюсь на его рабочее место.

– Проворней, Елизавета Матвеевна. И с большим энтузиазмом. Я же вас не на казнь приглашаю.

– Это да, – соглашаюсь я. – Но все же прошу снисхождения. Я больше привыкла к приглашениям посидеть за столом, а не полежать на нем.

– Нашли что в пример приводить! Вам повезло, что эти ваши привычки не отразились на бедрах! Но ничего, попробуем вам привить новые... И не хмурьтесь, ради бога, не хмурьтесь, а то я отменю у себя еще одну запись!

Я тут же прислушиваюсь к его замечанию и стараюсь расслабить лицо. Я же владелец салона, в моих интересах, чтобы работники хорошо зарабатывали. Зачем нам подобные жертвы? К тому же, я столько не вылежу.

– Готовы?

Славик включает медленную релаксирующую музыку и после моего согласного вздоха оборачивается.

– У меня такое чувство, – говорю я, глядя на обилие горящих свечей и на то, как он потирает руки, – что ты все-таки подумываешь насчет казни и собираешься меня тут поджарить.

– Теперь, когда вы полностью в моей власти, не могу сказать, что это ложные ощущения, – он простодушно пожимает плечами и приближается ко мне. – Пару сотен калорий мы за время процедуры точно сожжем. Но у нас с вами другая задача.

– Правда? – приободряюсь я. – Какая?

Он склоняется надо мной. Широко улыбается. И шепотом, вкрадчиво, предлагает:

– Расслабьтесь, Елизавета Матвеевна. Просто расслабьтесь, закройте глаза и доверьтесь профессионалу! И пусть все ваши мысли очистятся...

– Ничего себе напутствие, – хмыкаю я. – Это важно, да?

– Очень.

Я вздыхаю, вспомнив про чашу монаха. Надо было ее все-таки не уступать номеру один. Хватило бы с него и картины. Но кто знал, что это такая важная вещь и мне самой пригодится?

А у него, наверное, чутье. У меня тоже, конечно. Ну, я так думаю. Но у него к чутью еще и хватка. Мне бы тут поработать.

– Не хмурьтесь, – просит Славик. – Не думайте о том, что вас так расстраивает. Расслабьтесь. Мысли – река, которой управляете вы. А сейчас отпустите ее. Пусть течет. Просто наблюдайте. Смотрите. И все. Это чистый, прозрачный поток... отпустите его... пусть он тоже от вас отдохнет...

Под умиротворяющий голос массажиста я откидываю мысли о незнакомце с аукциона, послушно закрываю глаза и пытаюсь расслабиться.

– Вряд ли у меня, конечно, получится, – предупреждаю на всякий случай.

– Не переживайте, – успокаивает он. – Я о вас позабочусь.

Я слышу, как он отходит от стола. Слышу, как тихо открывается какая-то дверь – видимо, холодильника, потому что по плечам ползет змейка холода. А потом мои ноздри вдруг улавливают запах спелого апельсина.

Открыв глаза, я вижу, как Славик старательно чистит фрукт.

– Представьте себе что-то приятное, – советует он, аккуратно раскладывая шкурки возле свечей. – Представьте, что вы не здесь.

Улыбнувшись, я снова закрываю глаза. И к своему удивлению, спустя какое-то время действительно представляю, что я дома, с родителями, мне пять или шесть, лето, жара, а я мечтаю, чтобы скорей Новый год. Потому что тогда у нас в доме обязательно появятся апельсины.

– Знаете, еще мой пра-пра-пра-прадед говорил, что... – доносится до меня голос Славика сквозь легкую дымку тумана.

Но стоит ему начать свой массаж, как дымка тумана становится гуще, и я окунаюсь в нее, так и не узнав, что говорил предок Славика.

А жаль. Что-то мне подсказывает, что он знал толк не только в хорошей обуви, если его до сих пор вспоминают с таким уважением.

Жарко.

Сначала тепло, а потом становится очень жарко. Настолько, как будто я стою в языках пламени.

Пламя...

Да, это пламя... яркое, жаркое... пламя...

Хочу выбраться – не могу. Хочу крикнуть – не получается.

Горло сжимается.

Кожа начинает шипеть.

А даже шагнуть не могу.

И вдруг кто-то с силой выталкивает меня.

«Тише... тише... – доносится его голос. – Тебе не нужно бояться... Ты не сгоришь... Я тебе не позволю...»

Я оборачиваюсь, чтобы взглянуть на огонь, убедиться, что он далеко, что я в безопасности.

И с ужасом вижу, что в огне... медленно исчезает... Роман... Просто сгорает в нем у меня на глазах...

– Елизавета Матвеевна! Елизавета Матвеевна! – доносится до меня сквозь огонь чей-то знакомый голос.

И меня будто касается море.

Влажное, освежающее, выдерживающее из пут пожирающего огня.

Открыв глаза, я вижу Славику и облегченно выдыхаю. Слава его предкам, мне все это только приснилось!

– Ну как отдохнули? – спрашивает он, изучая мое лицо.

– Замечательно поспала, – говорю я, проворно поднимаясь с его стола. – Но мало! Теперь хочется больше и на любимом матрасе. Спасибо! Пойду-ка я, пожалуй, домой.

– Вот и правильно, Елизавета Матвеевна, – довольно подхватывает Славик. – Вот и замечательно. Идите. Отдохните. Выспитесь. Главное – ни о чем плохом не думайте.

– Да как я могу? О каком плохом? – изумляюсь я. – Я – счастливый человек! У меня есть возможность спать даже днем!

– И при этом доход ваш не падает, – добавляет он, улыбнувшись.

Я киваю и улыбаюсь в ответ. И правда, это я хорошо устроилась! Да и вообще, такой пустяковый повод для переживаний придумала! Это потому, что у меня все хорошо – не иначе, вот и потянуло на драму.

Единственное, ну такое, прямо мизерное замечание, скорее даже придирка... Я чувствовала бы себя еще более счастливой, если бы не ломота во всем теле. Славик – кудесник, я во время массажа действительно забыла буквально обо всем – настолько сильно расслабилась.

Мозг отдохнул. А вот тело... Такое ощущение, что его разобрали по косточкам и сухожилиям и по памяти сложили обратно. И вот, теперь заново к нему привыкаю.

Но ничего. Это ничего. Зато меня посещает светлая мысль – не накручивать себя, не строить про себя какие-то заговоры, а посмотреть своему страху в глаза.

Мне даже смешно от этой напыщенной фразы. Боже мой, «посмотреть своему страху в глаза»! А на самом деле все будет просто и очень даже приятно, потому что я собираюсь поехать на работу к Роману.

– Ох... – выдыхаю, чувствуя легкую сладкую боль, когда усаживаюсь в машину и устраиваю ногу над педалями.

Немного разминаю стопу, привыкая к этому ощущению. И, улыбнувшись, машу рукой девчонкам, которые наблюдают за моим отъездом в окошко. А в это время у них за спинами происходит настоящее покушение, потому что я вижу Славику, нож и два торта, оставленных без присмотра.

Настроение у меня снова замечательное. Его не портит даже начавшийся дождь. Похоже, синоптики уже начали потихоньку угадывать. Значит, и решение проблемы долголетия не за горами.

Делаю музыку громче, услышав знакомые ноты. Ох, люблю эту песню Ильдара! И про дождь как раз. Вернее, не совсем про дождь – про любовь, про мужчину, который в неволе вспоминает родные края и любимую. Но и про дождь тоже ведь.

Не знаю, почему он написал эту песню. Вроде бы молодой и опыта у него такого не было. А вот любовь, видимо, есть. Потому что трогает просто до слез:

– За окном снова дождь, сильный ветер, – доносится из динамиков приятный голос с хрипотцой. – Унесет письмо в небытие... Я хотел бы забыть всех на свете... Только жизнь возвращает к тебе...

Я выруливаю на парковку у знакомого бизнес-центра. Дворники весело машут, слизывая капли с лобового окна. Вытягиваю ключ, вскользь думая, что зря я отдала утром зонтик Роману. Сейчас как промокну!

А и не страшно.

Пусть потом согревает меня!

Толкаю дверь машины, готовая выйти, и вдруг мой взгляд выхватывает яркое желтое пятно у дверей бизнес-центра. Машинально отмечает и другие детали – девушка, худощавая фигура, высокие каблуки черного цвета с красной подошвой, модное пальто болотного цвета. Беспечно сбегает по ступенькам, а на последней оглядывается и посылает воздушный поцелуй кому-то, кто остается внутри бизнес-центра.

Кому точно – не видно.

Дождь.

Расстояние.

Но это мужчина.

Мужская фигура.

Развернувшись, она бойко мчится под неугомонными каплями.

Какие у нее длинные ногти. Под цвет дорогих туфель – черное с красным. Немного вызывающе. И одновременно красиво.

Наверное, она тоже красивая?

Не знаю, не вижу ее лица. Далеко. Слишком далеко от меня. И дождь-зануда. А дворники уже отдыхают, и только наблюдают, как я.

Но даже если я снова попрошу их помочь – ее лица не увижу. Потому что его скрывает зонт.

Ярко-желтый.

Который я узнаю из сотни, потому что долго его выбирала.

И потому, что он – мой.

Глава 9

– Это ничего не значит, – убеждаю себя. – Это вообще ничего не значит.

Дождь начался внезапно, Роман просто дал зонт одной из сотрудниц. А я веду себя как ревнивая жадина.

Подумаешь – прошлась девушка с моим зонтиком! У меня дома и другие имеются.

Я снова толкаю дверь машины, и даже ступаю ногой на асфальт, но вдруг замечаю, что мужчина, который стоял у двери бизнес-центра и которому посылались воздушные поцелуи, выходит на улицу.

И его я узнаю еще быстрее, чем зонт.

Сердце начинает стучать как сумасшедшее. Удары такие громкие, что глушат все вокруг – дождь, машины, голоса. Только гул. Тупой, глухой гул, от которого кружится голова и подкашиваются ноги.

Я поспешно ныряю обратно в салон. Ну, так, как могу. Неуклюже. И настолько нелепо, что корпус в машине, а нога остается на мокром асфальте. Но я не чувствую влаги. Не чувствую холода.

Не чувствую ничего.

Тело словно немеет, становится чужим, непослушным. Я не могу даже двинуться. Только пальцы с силой вжимаются в руль, а глаза зажимаются. Чтобы не смотреть на него сейчас. Чтобы не слышать, как он кому-то роняет в трубку:

– Я передумал. Еду. Да, к тебе. Не домой же.

Чтобы не видеть, как он поспешно пересекает кусок огромной парковки, садится в свою машину и резко срывается с места. И чтобы перед моими глазами перестал мелькать желтый зонт.

– Это ничего не значит, – отстукиваю зубами, потому что меня начинает морозить.

Холод ползет снизу вверх. Ледяной, липкий, забирающийся под кожу.

– Это вообще ничего не значит. Ни капельки...

Не знаю, сколько я так сижу. Но когда возвращаюсь в реальность, оказывается, что моя нога уже не на асфальте, а в луже. Весьма символично, не так ли?

Пока еду домой, радуюсь легким болезненным ощущениям – они хорошо отвлекают от мыслей. Заставляют сосредоточиться на дороге.

Машины.

Как много машин в нашем городе.

И все к кому-то спешат. А я? Куда спешу я? Стрелка на спидометре будто застыла во льду, а в нем страшные цифры.

– Дура! – слышу я вдруг чей-то крик, резкий и злой. – Рехнулась совсем?!

Я вздрагиваю. Мир возвращается – яркий, громкий, дождливый. Я на автомате резко нажимаю на тормоз и успеваю остановиться до пешеходного перехода, по которому идет какой-то мужчина. Он-то мне и кричал.

Руки дрожат. Мелко, противно, как у алкоголика на ломке. Я сжимаю руль сильнее, пытаюсь остановить дрожь, но она только усиливается, разливаясь по всему телу.

По спине ползет липкая змейка страха от осознания, что я могла натворить. Дорога не прощает ошибок. Не прощает, когда ты не с ней. Эгоистичная, ревнивая, если ты на нее ступаешь, она берет тебя без остатка.

– Простите, – с трудом шевелю я губами.

И после гудка кого-то нетерпеливого сзади медленно трогаюсь с места. Всю оставшуюся дорогу до дома я буквально ползу.

Сначала на колесах. Потом на ногах. Мне почему-то смешно, когда я ловлю у себя эти мысли. Смешно до слез. До истерики. И настроение какое-то пьяное. Я давлю смех, закусывая губу до боли.

Выйдя из машины, задираю вверх голову и усмехаюсь своей наивности, когда вижу на пятнадцатом этаже наши темные окна.

Оказывается, я все-таки на что-то надеялась.

На то, что ослышалась – дождь такой громкий. На то, что приеду – а муж уже дома. На то, что этот сумасшедший день просто сотрется из памяти, как сон в кабинете у Славика.

Огонь...

Почему мне приснился огонь, если дождь... всюду дождь, даже у меня на душе?..

– Вы совсем промокли, – укоризненно говорит консьерж, когда я появляюсь в вестибюле подъезда.

– Совсем, – соглашаюсь я, натянуто улыбаясь.

Сейчас, когда я вышла из-под дождя, я чувствую такую усталость, что кажется и шага больше не сделаю. Поэтому я подхожу к стойке Антона, чтобы дать себе передышку.

– Хотите чая? – предлагает он, проследив за тем, как стекает с моей одежды и прически вода.

– Спасибо, – качнув головой, теперь я по-настоящему улыбаюсь. – Я думала, вы предложите мне швабру с ведром, чтобы я за собой убрала.

– Не могу, – усмехается он. – Сам не в курсе, где они прячутся.

– Ну ладно, тогда хорошего вечера.

– Хорошего вечера, – эхом откликается он.

Я разворачиваюсь – и меня едва не сносит. Черное пятно, стремительное, как выстрел. Аж дух перехватывает.

– Простите, – звучит извинение, а голос резкий и напряженный.

Таким не извиняются, а требуют больше не путаться под ногами.

Но я не придираюсь, не придираюсь.

Просто киваю, глядя на смутно знакомого парня. Высокий, черноволосый, лет двадцать пять или тридцать. Руки в татуировках. На одной кисти жуткий череп. На шее какие-то крылья. Да он и сам словно ворон – черная куртка, черные джинсы, черные тяжелые ботинки. Неудивительно, что он так стремительно перемещается. Только белые тюльпаны в охапке – как вспышка света среди всей этой черноты.

По-моему, это наш сосед по этажу. Мы пересекались всего пару раз, так что я не уверена.

Конечно, если бы я увидела его, как сейчас – в этом готическом стиле и с охапкой белых тюльпанов, я бы его точно ни с кем не спутала.

– Ничего, ничего, – отмахиваюсь и освобождаю ему дорогу. – Летите свободно.

Уголок его губ задирается в подобии легкой улыбки. Он согласно кивает и идет к выходу, продолжая с кем-то общаться по телефону.

– Где ты? – обреченно вздыхает он. Замедлив шаг, слушает абонента, а потом сухо роняет: – А сейчас замри и просто жди. На месте. У меня к тебе одна просьба – не вляпайся еще во что-то, пока я доеду. Да, я еду. К тебе. А куда еще? Ты что, оставила мне варианты?

Я невольно напрягаюсь, уловив обрывки его разговора. Просто некоторые фразы... резонируют. Эхом, болью и узнаванием.

«Да. Еду. К тебе. А куда еще?»

Слова вбиваются в уши словно осколки. Те же. Один в один. Интонация та же.

– Не домой же, – тихо бормочу я, глядя в спину незнакомого парня.

И вдруг он оборачивается.

На секунду мне кажется, что он услышал меня. Я перевожу взгляд на Антона – мол, я тут ни при чем, я вообще тут просто болтаю.

Еще большей неожиданностью для меня становится то, что мой предполагаемый сосед делает два быстрых шага ко мне и протягивает букет из белых тюльпанов.

– Уверены? – уточняю я, глядя ему в глаза. – Может быть, есть тот, кто их ждет?

– Тому, кто их ждет, нужно чуть-чуть повзрослеть, – говорит он с толикой сожаления.

– Понять, что не в сказку попала.

– Не обещаю, что букет простоит.

– Подходит.

Усмехнувшись, он передает мне цветы и, быстро шагая, выходит из подъезда. А вскоре раздается отрывистый рев мотоцикла.

– И что это? – интересуюсь я у Антона, вдыхая легкий запах нежных цветов.

Он по-доброму улыбается и доходчиво мне поясняет:

– Любовь. Без сомнений.

– Любовь, – соглашаюсь я.

Иду к лифту. Медленно. Тяжело. И каждый мой шаг будто повторяет мне тихим эхом, собирая маленькую мозаику из разрозненных пазлов:

«Я передумал. Еду. Да, к тебе. Не домой же.»

«Да. Еду. К тебе. А куда еще?»

«И что это?»

«Любовь. Без сомнений».

«Любовь...»

Дома я едва нахожу в себе силы, чтобы поставить цветы в вазу. Руки все еще дрожат – лепестки скользят, стебли не слушаются. Душ принимаю на автомате – горячая вода, но холод внутри не уходит. Переодеваюсь. Ложусь в постель.

Глаза слипаются. Тело требует отключиться. А сна нет. Давящую тишину разбавляют часы, как будто пытаются меня убаюкать. И, наверное, у них получается, потому что я не слышу, когда Роман возвращается.

Просто открываю глаза, а он уже здесь. Стоит в дверях спальни, прислонившись плечом к косяку. Силуэт неподвижный, будто вырезанный из темноты.

Ждет, когда я проснусь.

Ждет, но не решается разбудить.

Свет из коридора падает на его лицо, высвечивая резкие линии скул, тень под глазами. Он выглядит усталым. Измотанным. Осунувшимся. Но почему-то спокойным. Слишком спокойный. Как человек, который уже принял решение и теперь просто ждет, когда все закончится.

Собравшись с духом, я сажусь, подтягиваю к себе колени, обхватываю их руками, сцепив пальцы в замок, и спрашиваю:

– Ты хочешь мне что-то сказать?

Глава 10

Он слегка опускает голову, словно подбирает слова. Я не знаю, как долго он молчит – возможно, доли секунды. Но все это время я не дышу. Просто смотрю на него. Смотрю и боюсь услышать ответ.

Глаза начинают болеть от рези, потому что моргнуть я тоже боюсь. Вдруг он исчезнет? Вдруг все рассыплется? Вдруг я услышу то, что не смогу пережить?

В последний раз так страшно мне было, пожалуй, когда я в первый раз прыгнула с парашютом. Он же был и последним.

Такие же ощущения – на грани, перед прыжком, только за спиной нет страховки и крепких объятий Романа.

Пустота.

Зыбкая, пугающая до чертиков и онемения пальцев.

– Ром... – прошу его, подталкиваю, потому что балансировать дальше невыносимо.

Я падаю. Медленно, бесконечно долго падаю в пустоту.

Он поднимает голову – и я, не веря глазам, вижу улыбку. Его улыбку. Беспечную. Ироничную. Словно ничего не случилось.

– Хочу сказать, да, – он согласно кивает. – Вернее, спросить. Цветы на кухне – ты их купила сама?

Я удивленно моргаю.

Раз.

Второй.

Пытаюсь понять, правильно ли я услышала.

– Цветы?

До меня не сразу доходит, о чем он. С трудом удается сфокусироваться и вырвать из памяти нужные кадры.

– Нет. Подарили.

– Вот как? Кто?

В его голосе нет ревности или напряжения. Только легкое любопытство.

– По-моему, наш сосед. Но я не уверена. Он собирался подарить их своей девушке, но, кажется, они поссорились.

– Отлично! Значит, у меня есть шанс все исправить.

Я не понимаю, при чем здесь цветы. Не понимаю, о чем он. И что он собирается исправлять. Сердце колотится все быстрее, стучит в висках, в горле, на кончиках пальцев.

Но он поясняет:

– Если жена начинает покупать себе цветы сама – это плохой знак для мужа.

– А если ей дарит цветы не муж?

– Смотря кто. Но ты права – тоже не лучше.

Достав телефон из кармана брюк, он быстро щелкает по нему пальцами – наверное, проверяет пропущенные сообщения.

Он выглядит расслабленным – в отличие от меня. Меня напряжение буквально выкручивает, и я понимаю, что долго не продержусь.

– А еще плохая примета, – говорю я, не сводя с него взгляда, – отдать свой зонт мужу в солнечную погоду. Обязательно пойдет дождь.

– А ты не верила, – хмыкает он, потеряв интерес к телефону.

Взгляд прямой, ни толики напряжения.

– Я сегодня за ним заезжала, – выпаливаю. – Вернее, я заезжала к тебе в офис, но...

– Мы что, разминулись?

– Почти. Я подъехала. Припарковалась. Но сначала я увидела какую-то девушку с моим зонтом. А потом – как ты уезжаешь.

Он тепло улыбается:

– И заходить в офис причин не осталось.

Он сбивает меня этой расслабленностью, этой улыбкой. Я как будто схожу с ума. Мне кажется, что он врет. Я чувствую, что он врет. Но он смотрит так спокойно, тепло, по-родному, что я хочу ему верить.

А еще мне хочется выдохнуть. Перестать бояться. Так хочется, чтобы все было, как раньше – просто, легко и понятно.

– Зонт... – перевожу дыхание и все-таки продолжаю: – Мой зонт... Кому ты его отдал?

– Одной из наших сотрудниц.

– А куда ты так торопишься? «Я еду. К тебе. Не домой же», – припоминаю его же слова.

– И снова ты не дослушала, – журит мягко он. – Естественно, не домой. У меня была деловая встреча.

Сделав два шага ко мне, он склоняется и срывает с моих губ поцелуй.

– А домой я очень хотел. И если бы знал, что ты тоже освободилась, наплевал бы на встречу.

Он так близко, что я вижу каждую его черточку. Вижу маленькие рыжеватые линии в его карих глазах. И меня, словно коконом, окутывают его тепло и спокойствие.

– Не хочу, чтобы ты переживала, – шепчет он, ласково ведя пальцами по моим скулам. – Тем более из-за меня.

Все мои подозрения кажутся просто тупостью. Паранойей. Глупой и жалкой паранойей. Мне смешно и одновременно стыдно. И хочется все поскорее забыть.

– Хорошо, – соглашаюсь я. – Верни обратно мой зонт – и не буду.

Он улыбается.

И целует так нежно, что у меня, наконец, разжимаются пальцы и, кажется, я снова начинаю дышать.

Дышать – на полную, и без привкуса этого жуткого страха.

– Я в душ, – шепчет он, обрывая свой поцелуй.

Мне не очень хочется его отпускать. Вообще не хочется. Но он уже поднимается с кровати и выходит из комнаты.

Я откидываюсь на подушки и с удовольствием слушаю, как шумит вода в ванной комнате.

Нужно выбросить эту плохую привычку – подслушивать. Никогда не узнаешь правды, только изведешь себя подозрениями.

Смешно.

Как же смешно – такого себе напридумывала!

Подняться с кровати меня вынуждает звонок в дверь. Машинально бросаю взгляд на часы – хм, поздно для незваных гостей.

Посмотрев в глазок, вижу незнакомого парня с огромным букетом из роз. Может, ошиблись с доставкой?

– Добрый день. Вересова Елизавета Матвеевна? – спрашивает парень, когда я ему открываю.

– Да.

– Это вам!

– От кого? – любопытствую я с подозрением.

– Тут записка.

Ох, надеюсь, не от соседа? Если да, надо бы ему намекнуть, что, хотя я в сказки не верю, но повзрослела больше, чем ему подойдет. Да и муж будет против.

– Спасибо большое.

Закрыв дверь за курьером, я прижимаю к себе огромный букет. Розы пахнут как сегодняшний день – пьянящей сладостью и дождем. Открываю маленькую записку дрожащими пальцами и с улыбкой читаю короткое сообщение:

«Исправляюсь...»

Подписи нет – и не надо.

Я с удовольствием снова вдыхаю запах цветов. Невероятные. Восхитительные. Самые-самые лучшие!

Пройдя на кухню, я выбираю для них высокую вазу с ручной росписью. Этим цветам подходит только такая.

Набираю воду, размещаю букет.

Вот так.

Вот так хорошо.

Правда, лучше бы их перенести в комнату. Да, точно, хочу, чтобы они были в комнате. Вот только теперь их будет нести тяжело.

Прислушиваюсь. Ага, вода в душе стихла.

– Ром!

Он не отвечает, и я иду в комнату.

Но его там нет.

Я уже собираюсь зайти во вторую, но вдруг замечаю его силуэт на балконе.

Темно, потому и не увидела сразу.

Делаю шаг к нему, и будто напарываюсь на невидимую стену, когда неожиданно замечаю – дым. Сизый дым. Он окутывает его пальцы, медленно стелется над балконом, тянется к ночному небу и исчезает...

Движения у Романа неспешные, слегка заторможенные.

А в мое сердце снова закрадывается тревога. Так же заторможено, медленно. И так же настойчиво – как сизый дым, ползущий вверх к облакам.

«Ненавижу дым! Терпеть его не могу. Может, бросишь?» – тут же проносится в памяти.

«Да легко! Между ним и тобой я, естественно, выбираю тебя!»

Он действительно бросил.

Выбрал меня.

И не курил десять лет.

Глава 11

– Уф-ф, как вкусно пахнет! – Роман появляется в дверях кухни, уже после душа, в белой рубашке и синих брюках.

Волосы еще слегка влажные, на висках блестят капли. Он с улыбкой обводит взглядом стол, на котором стоят сырники и сметана.

– Садись, – говорю я. – Рада, что у тебя наконец-то есть аппетит.

Я тут же жалею о сказанном, потому что он перестает улыбаться. Лицо словно застывает. Секунда – и мелькает ощущение, что сейчас он вообще раздумывает: остаться или уйти.

– Садись, садись, – повторяю я торопливо. – Вот, как раз чай твой готов.

Я ставлю на стол две чашки – слишком резко, чай едва не расплескался на стол. Быстро улыбнувшись, первой усаживаюсь за стол, подавая пример.

Роман кивает на чашки и, садясь напротив меня, шутит:

– Даже с учетом, что чай едва не разлился, здесь все равно хватит двоим.

Я деловито накладываю ему в тарелку сырники, достаю и подаю салфетку. Потом себе. Руки двигаются сами, на автомате, словно я играю в какой-то пьесе, где все, кроме меня, знают закономерный финал.

Такие странные мысли...

Обычное утро.

Это самое обычное утро. И я просто стараюсь вести себя как всегда, чтобы не выдать волнения. Хотя за эту неделю мы с ним буквально сроднились.

– Лиз?.. – окликает Роман.

Перестав суетиться, я поднимаю на него взгляд. Невероятно красивый. И невероятно далекий, хотя я могу легко коснуться его.

Не знаю, что чувствует он. А я... Каждая клетка тела буквально кричит: мы – близкие люди!

Близкие. А близости нет.

Мы каждый день вместе. Но в последнее время каждый будто сам по себе.

– Что-то случилось?

Пожимаю плечами. Да что случилось? Трудно сказать. Сегодня пятница. Та самая пятница, которую я всю неделю ждала. Ждала, когда он мне скажет про корпоратив.

Ничего.

Собирается на работу, как ни в чем ни бывало.

– Я просто задумалась.

– Судя по твоему взгляду, о чем-то серьезном, – хмыкает он. – Не поделишься?

Может, действительно замотался и просто забыл? Ну а вдруг? И если я его подтолкну...

– Охотно поделюсь. Вот, думаю, что тебе подарить?

– На день рождения?

– А что, – тут же хватаюсь я за возможность, – есть еще важный повод, о котором я забыла?

Смотрю на него в ожидании. Пульс учащается, бьет по венам в молитве – ну давай, ну скажи! Ну давай же!

Он удивленно качает головой и с улыбкой откидывается на спинку стула.

– Лиза, – журит мягко, – нашла, чем себе голову забивать! Я – счастливчик! Я получил все, что хотел!

Его взгляд становится откровенным.

Неспешно, с удовольствием, ползет по моему лицу, опускается к шее. Задерживается на вырезе свитера.

От него становится тепло. Тепло и немного не по себе. Потому что меня злит эта недосказанность. Бесит, что он молчит.

Я чувствую себя какой-то беспомощной, лишней. И тело реагирует так же – вместо того, чтобы расслабиться, я напрягаюсь и поправляю свитер, хотя он сидит безупречно.

– А если серьезно, Ром, – продолжаю я. – Чего ты от меня ждешь?

– Ничего.

Я вскидываю на него взгляд и вижу улыбку. Он протягивает свою руку, сжимает мои пальцы, до легкой боли, так, как умеет лишь он – ощущая границы и давая понять, что он здесь.

– Ничего больше, Лиз, – поясняет он. – Ты дала мне даже больше, чем я ожидал.

Я замираю, а сердце пропускает через себя – сообщения от поклонницы, сигаретный дым и эти слова.

Вкупе это все звучит как прощание.

И настолько пугает, что я взрываюсь весельем. Весельем и радостью – она буквально фонтанирует в каждом слове. Слишком ярко. И очень фальшиво:

– Нет, нет, я от тебя не отстану! Ну в самом деле, Ром, скажи. Не могу же я подарить тебе еще одну зажигалку!

Он хмыкает.

Это его увлечение – собирать красивые зажигалки. Может быть, они помогают ему удерживать контроль над вредной привычкой. Вернее, помогали, потому что за эту неделю я не раз слышала от него запах сигаретного дыма.

Легкий. Едва уловимый. Тайный. И оттого еще более противный, чем раньше. Дома он не курил. Тот раз был единственным, как будто ему было невозможно сдержаться. Но, к сожалению, не был последним.

Я бы подарила ему десятки, сотни новых зажигалок – лишь бы он опять бросил.

– Не надо, – слышу мягкий, но четкий отказ. – Свой самый яркий огонь я уже поймал.

«И хочешь его отпустить?» – рвется наружу вопрос.

Но я молчу.

Улыбаюсь.

И все еще жду.

– Все, – разрывает он напряженную тишину и наш зрительный контакт. – Все, Лиз, мне пора. Сегодня нужно приехать пораньше.

Поднявшись, он быстро целует меня и уходит. Я смотрю прямо перед собой. В одну точку.

И только когда за мужем закрывается дверь, понимаю, что рассматриваю его тарелку. И сырники, к которым он не притронулся.

Я убираю со стола. Накидываю куртку. Обувая кроссовки. А потом вдруг вспоминаю чужие туфли с красной подошвой. И мелькает мысль – черта с два! Черта с два у тебя это получится! Хватит того, что ты присвоила зонт.

«Да ничего страшного, Лиз, – вспоминаю слова Романа несколько дней назад. – Она его просто где-то забыла...»

Мой зонт.

Просто где-то забыла.

Хватит с нее моего!

– Инесса? – набираю своего стилиста. – Солнце, скажи, у тебя будет возможность найти для меня место на укладку и макияж?... На пять? Отлично, солнце, подходит... Да, вечерние... Угу, праздничный повод... Корпоратив на работе у мужа.

Ну теперь дело за малым – найти подходящее платье. Такое, чтобы у меня самой от него дух захватило.

Припомнив слова Илоны, что в «Люксусе» нет ничего подходящего, в первую очередь именно туда и иду. Во-первых, это значит, что не будет конфуза с повтором. А во-вторых, у нас с ней разные вкусы.

– Добрый день. Могу я вам как-то помочь? – вежливо интересуется девушка-консультант, когда я появляюсь в салоне.

Она смущенно улыбается – наверное, новенькая. Я ободряюще улыбаюсь в ответ и киваю:

– Очень на это рассчитываю. Мне нужно платье на вечер.

– Это особенный вечер?

– О, да.

Платье мы находим на удивление быстро. Оно будто ждало меня. Глубокий изумруд – не яркий, не прозрачный, а как вода в лесном озере. Вырез есть, но не откровенный. Платье кажется почти пуританским, но ткань мягко струится, подчеркивая фигуру и обнажая ноги чуть выше колена при малейшем движении.

– Вот это, – говорю я, примерив его.

– Да, – соглашается девушка-консультант, не сводя с меня взгляда. – Оно ваше, это сразу было понятно.

Вот бы так всегда: чтобы всем было понятно и очевидно, когда мое – это только мое.

После салона я решаю заглянуть на площадь с художниками. Но моего знакомого нет. Зато другие художники меня узнают и при моем приближении вооружаются своими работами как транспарантами. Перед моими глазами мелькают горы, закаты, моря, солнце и небо, какие-то жаркие страны.

– А вот рассвет! – радостно восклицает художник с бородкой. – Берите! Тимохи сегодня нет. Он вообще работает медленно. Что же вам – рассвет упустить?

На холсте у него яркие краски, но какие-то пустые, безжизненные. Скорее всего, сделал наспех, услышав наш разговор.

Неудобно отказывать, но у меня и так гараж переполнен. Там настоящим работам уже тесновато, а взять лишь бы что только из жалости... Мне кажется, жалость – вообще советчик не очень.

– Спасибо, – говорю вежливо, – но мы с ним договорились, так что я подожду.

И хотя я этот «рассвет» не беру, на душе заметно светлеет. Значит, Тимоха занят. Значит, пишет картину, как обещал. Значит, я тогда ничего не испортила.

Мне казалось, что у меня в запасе еще уйма времени, но сегодня оно слишком быстро течет. После прогулки я только и успеваю, что вернуться домой, чтобы переодеться. Добавляю к платью нитку жемчуга, черные бархатные туфли и графитово-серое до щиколоток пальто. Ну вот, теперь в салон, чтобы завершить свой образ на вечер.

– Обалдеть! – выдает Славик при виде меня. – Вы – как нимфа! Обалдеть, какой у меня волшебный массаж!

Я смеюсь.

И согласно киваю: он прав. И массажист у меня замечательный. И стилисты от Бога. Потому что мне нравится мое отражение.

Прическа без чудачеств – Инесса просто элегантно укладывает мои длинные волосы. Макияж не кричащий – но взгляд становится выразительней, глубже.

– Уверен, сегодня не одно сердце разобьется, узнав, что вы замужем, – комментирует Славик, глядя на меня в зеркало.

– Главное, чтобы сердце мужа забилось сильнее, – хмыкаю я.

– Ох, Елизавета Матвеевна! – мечтательно вздыхает у меня за спиной Инесса. – Хотела бы и я так – чтобы такая же точно любовь с собственным мужем!

Мне становится чуточку душно. В ее голосе такая вера, что у нас с Романом все прозрачно и хорошо. Такая светлая наивность, как была у меня до недавнего времени.

– Такую же точно не надо, – улыбаюсь мягко. – Пусть у тебя будет своя.

– Вооружена и очень опасна, – задумчиво тянет Славик, рассматривая меня. – Все! Решено! Видят предки, этот будет грех – не повысить цены на свои процедуры!

Мы с девчонками переглядываемся и дружно смеемся. К машине меня провожают всем коллективом. Машут, так машут руками – будто я навсегда уезжаю.

Но это и хорошо, я отвлекаюсь и не думаю о том, что меня ждет впереди. Заведя машину, бросаю последний взгляд в зеркальце.

«Вооружена и очень опасна» – кажется, так сказал Славик? Видят предки, он угадал. Потому что после последних напряженных недель у меня настроение – медленно убивать. И начать хочется с той, что украла мой зонт.

Глава 12

– Значит, все-таки здесь, – бормочу я, подъехав к бизнес-центру.

Это хорошо. Это замечательно. Не придется звонить Илоне и врать, что я забыла адрес, где мы все собираемся.

Все. Ну да.

Я с усмешкой смотрю на верхний этаж, который буквально утопает в огнях. Окна светятся теплым янтарем, силуэты движутся за стеклом – танцуют, смеются. Звук саксофона слышно и на парковке. Низкий, томный, почти интимный. Как будто кто-то медленно раздевает ночь.

Кстати, здесь сейчас очень много машин. Куда больше, чем в рабочее время.

Никто не планирует пить? Скромные же у них планы. По ходу, гораздо скромнее моих.

Выйдя из машины, делаю глубокий вдох, позволяя прохладному осеннему воздуху заполнить полностью легкие и слегка меня остудить. Потому что в этом платье и на этих каблуках удобно ходить. Но не очень удобно закапывать трупы.

Хорошо, что нет дождя. Только морось – она оседает на коже, как холодные поцелуи. Мне вообще везет всю неделю. Тем более что в последние дни Роман перестал зачитывать мне погоду. Наверное, старался не усугублять ситуацию.

Несмотря на очевидное, я до последнего, до того, как вхожу в здание, надеюсь, что ошибаюсь. Даже если корпоратив состоялся, вдруг без Романа?

– Добрый вечер, Елизавета Матвеевна, – широко улыбается охранник при виде меня и нажимает на кнопку, чтобы заработали турникеты. – Немного опаздываете.

Сердце ухает вниз.

Но я натянута улыбаюсь и уточняю:

– Добрый вечер, Максим. Сильно опоздала?

– Да не очень. На часик, не больше, – успокаивает меня. – Но красивой женщине можно. Моя жена тоже как начнет собираться...

Он хоть и ворчит, но выглядит таким довольным, говоря о жене, что немного щемит в груди.

– Ничего, ничего, – приговаривает, – нам, мужчинам, полезно и подождать.

Хорошо, когда тебя ждут.

А когда нет? Странно, но я не чувствую себя самозванкой, как Золушка, которая случайно попала на бал. Возможно, потому, что в этом здании я была сотни раз. Или все проще – я знаю, к кому иду, и знаю, что имею на это полное право.

А еще удивляет, что я перестаю волноваться. Совсем. Да, я как натянутая струна, но это отнюдь не волнение. Это что-то другое – оно слегка жжет изнутри, как огонек зажигалки.

Обида, непонимание и раздражение создали странный клубок из эмоций. Тугой. Колющий. Который с каждым моим шагом все сильнее рвется на волю.

Я прохожу дальше, к лифтам. Нажимаю на кнопку и жду. Как же он медленно спускается, будто дает мне шанс передумать.

Решительно выдохнув, я захожу в кабинку, нажимаю на кнопку этажа. Двери так же неторопливо закрываются, и вдруг снова распахиваются.

Повернув голову, я с удивлением вижу чью-то руку: широкая ладонь, длинные пальцы, массивные часы на запястье. А потом, с еще большим удивлением – и владельца этой руки, который заходит в кабинку.

Строгий черный костюм, черная рубашка, черное пальто нараспашку, как у меня. Ткань дорогая, идеально сидит. Плечи широкие, силуэт – как у хищника. И весьма узнаваемый взгляд серых глаз.

Воздух в лифте мгновенно сгущается и становится холоднее. Может, потому, что я слишком явно ощущаю запах сандала и морозного ветра с вершины горы. Кстати, тоже вполне узнаваемый.

– А вы что здесь делаете? – вырывается у меня. – Думаете, опять что-то прикупить по дешевке?

– Разве что акции, – пожимает плечами мой соперник с аукциона.

Двери за ним закрываются.

Мы одни в кабине, которая становится гораздо теснее, чем казалась вначале. Неуютно. Хочется повести плечами, чтобы скинуть с себя пристальный взгляд. Но я вспоминаю про маску, о которой говорил мне Роман, и пытаюсь ее примерить к себе. Сегодня она наверняка пригодится.

– Акции? – изображаю вежливый интерес. – А какой компании?

Мужской взгляд упирается в мой. А потом начинает скользить. Вниз – по платью, по ногам, по туфлям. Медленно. Неспешно. Оценивающе. И снова возвращается к моему лицу.

– Хотите опять поднять ставки?

Это так смешно, что я опускаю голову, чтобы не выдать себя улыбкой, и виновато вожу носком туфельки по полу лифта.

– Может быть, я просто хочу вам помочь?

Я чувствую его взгляд. Внимательный. Долгий. Мне даже становится от него чуточку жарко.

И вдруг я с удивлением слышу:

– Я не в обиде. И не в накладе. Картины, которые я купил тогда у художника, я уже продал дороже в три раза.

Я тут же вскидываю голову. Нет, он не шутит. И выглядит очень довольным собой.

– Это вы зря, – говорю откровенно. – Если бы подождали, могли продать их гораздо дороже.

Я уверена, что он возразит. Но он, помедлив, кивает и соглашается.

– Возможно. Я не особенно разбираюсь в современном искусстве. Мне ближе то, что проверено временем. «Вертикаль».

– Что – «Вертикаль»?

– Акции «Вертикали».

А вот теперь я уже не скрываю улыбки.

– А, это вы можете даже не переживать, что потратитесь, – заверяю его. – Вряд ли они продаются.

Он смотрит на меня с подозрением:

– Только не говорите, что тоже подумываете их прикупить.

– Зачем? Я сделала лучше. Десять лет назад вышла замуж за хозяина этой компании.

Секунда тишины.

Он не отвечает. Просто смотрит. Взгляд скользит вниз – на мою правую руку. На безымянный палец. На золотое кольцо.

Секунда.

Две.

Я непроизвольно сжимаю пальцы. Будто пытаюсь спрятать его. Или защитить.

Лифт останавливается. Тихий звук – почти неслышимый. Но между нами он звучит как выстрел. Двери начинают открываться.

Звуки врываются в кабинку – музыка, голоса, смех. Тепло. Свет. Жизнь.

Я чувствую себя так, словно стою на краю пропасти, и, если шагну – не будет пути назад.

– Прошу, – мой соперник с аукциона едва заметно взмахивает рукой, пропуская меня вперед.

Я смотрю в его глаза, как будто ищу в них какой-то совет.

– Ну же, участник под номером два, – он слегка улыбается. – Вам выпал шанс сделать первую ставку. Или уступите?

При этом он делает легкое движение, будто собирается выйти раньше меня, и это срабатывает.

Рассмеявшись, я выхожу из лифта.

Первое, что ощущаю – тепло. Оно обволакивает сразу, контрастируя с холодом, который я чувствовала в кабинке.

Второе – звуки. Музыка, смех, стук бокалов. Все громко, ярко, живо и близко. И все это манит, приглашает скорее присоединиться.

Третье – свет. Мягкий, теплый и люющий со всех сторон – будто солнце тоже пригласило на праздник.

Я делаю шаг.

Второй.

И чувствую, как следом выходит мой соперник с аукциона. Не слышу – чувствую. Он как прохладная тень у меня за спиной.

– О, здравствуйте, Елизавета Матвеевна! – слышу сбоку веселый девичий голос.

Повернув голову, вижу Алису, она работает в проектном отделе. Хорошая девчонка, молодая еще, опыта маловато, но уверена: она справится. Такой блеск в глазах, жадность к работе – это всегда приводит к успеху.

Она стоит в коктейльном бежевом платье, с какой-то черной папкой в руках. Обмахивается ею, как веером. Рядом с ней – Толик, из другого отдела. Оба довольные, улыбаются.

– Вышли подышать свежим воздухом? – предполагаю я.

– А, нет, – Алиса показывает на папку. – Отмечаем приглашенных гостей.

– Очень интересно. Проверь мое имя.

– Ой, Елизавета Матвеевна! – смеется она. – У вас карт-бланш, здесь нечего проверять! Толик!

Она бросает укоризненный взгляд на парня, и тот, кивая с улыбкой, тут же подходит ко мне.

– Позвольте, – говорит, обойдя меня со спины.

Ядвигаю плечами, сбрасывая пальто. Он важно кивает и уносит его в сторону вешалок, где уже много одежды.

Мой соперник не дожидается, когда за ним поухаживают. Сам снимает пальто и держит его на сгибе руки, пока Алиса деловито открывает списки гостей.

– Пожалуйста, – просит она, скользя взглядом по строкам, – напомним ваше имя.

– Марк, – секундная пауза, взгляд на меня, легкий кивок и продолжение: – Марк Александрович. Корвин.

Я с улыбкой киваю в ответ.

Представился.

Видимся третий раз и, можно сказать, наконец познакомились.

– Да, есть! – радостно сообщает Алиса, бросает взгляд на своего помощника, и тот тут же забирает второе пальто.

Я бросаю взгляд на приоткрытую дверь террасы, где и происходит корпоратив.

– Ой, подождите! – восклицает Алиса. – Толик, Толик!

– Ага, понял!

Метнувшись к стойке, парень берет поднос с бокалами шампанского и подносит к нам. Видно, что старается не разбить, не разлить и сделать все как надо – торжественно! Это так умиляет. А еще их взгляды друг на дружку – им не скучно вдвоем даже здесь, на задворках веселья.

– Это вам! – объявляет он.

– Спасибо, Толик, – благодарю я. – Ты не против, если я возьму только один?

– Ага! – Он улыбается во все тридцать два. – Тогда еще и вашему спутнику хватит!

Алиса тут же на него шикает, мол, какой еще спутник?! Он что, с дуба рухнул?! А Марк Александрович Корвин, беря бокал, отходит и негромко, так, что слышу лишь я, роняет:

– Теперь понятно, почему мы так часто пересекаемся. Мы не соперники. Мы – планета и спутник.

– Как мило. Но давайте оставим небольшую интригу, кто из нас кто, – предлагаю я. – А то спутники имеют свойство падать или теряться в космосе. А мне не хотелось бы расстраиваться в такой праздничный вечер. Я, признаться, успела немного привыкнуть к нашему духу соперничества. Если вы вдруг растворитесь – как знать, возможно, мне будет вас не хватать.

Секунда тишины.

Он не отвечает сразу. Просто смотрит. Долго. Внимательно. Как будто пытается понять, шучу ли я.

А потом, впервые, я вижу, как он улыбается.

Не уголком губ. Глазами. С трудом сдерживаюсь, чтобы не поежиться, потому что – что? Правильно. Когда лед топится, становится еще холоднее.

Хочется отвести взгляд, поэтому я поднимаю бокал к губам и делаю маленький глоток. А хорошее шампанское – с легкой кислинкой, пузырьки приятно покалывают язык. Один минус – оно тоже холодное.

Музыка становится громче, быстрее – это потому, что мы подходим к двери на террасу. Я останавливаюсь в шаге от нее.

За ней – все, ради чего я приехала.

И все, чего я боюсь.

Я чувствую, как сердце ускоряется, а мои пальцы с силой сжимают ножку бокала. Надеюсь, офис-менеджер не экономил, закупая посуду, и она выдержит мое напряжение.

– Ну что, номер два, на что ставите? – слышу тихий вопрос.

Развернувшись, смотрю на Корвина. Он мог бы зайти давно сам. Но он медлит. Как будто чувствует, что мне не помешает поддержка.

Мой взгляд неспешно скользит по его лицу, шее, запястьям. Изучающе. Как его – в лифте, минуты назад. Черная рубашка под костюмом сидит безупречно. Брюки тоже. Ни единой складки. Ни намек на небрежность или случайность. Все выверено. Все под контролем.

Даже часы с черным циферблатом и черными стрелками. А время по ним вообще как-то можно определить или он его просто угадывает? Кстати, может быть, именно поэтому он и пришел, как я, позже всех?

Черное – цвет риска и неизвестности. Но некоторые игроки поклялись бы, что это еще и цвет удачи.

– Ставлю на черное, – решаю я.

И, подхватив его под руку, другой рукой толкаю дверь, чтобы открылась пошире. Ну что, скужали? Ждали гостей?

Глава 13

– Лиза! – доносится сбоку знакомый голос, и я вижу Илону, которая, оставив мужа, спешит ко мне.

Светлые кудри рассыпаны по плечам – пышные, игривые, как у ангела. Но ангелом ее не назовешь. Красное платье облегает фигуру так, что даже я на секунду залипаю. Особенно в зоне декольте.

– Надо же! – восклицает она. – Я была уверена, что самое эффектное появление сегодня – мое. Но вынуждена признать – ты меня превзошла!

Такое открытое восхищение настолько ей несвойственно, что я не тороплюсь хвастаться, где купила платье и туфли. И правильно, потому что спустя доли секунды становится понятно, чем вызваны такие эмоции.

Выдав эту тираду, она разворачивается к Корвину и, глядя на него в упор, кокетливо просит:

– Ты нас не познакомишь с этим красивым мужчиной?

Ее глаза блестят. Губы растянуты в красивой улыбке. Не думала, что у них с мужем какие-то сложности, но, похоже, что так. Потому что тот хоть и с увлечением беседует с другими гостями, но находится от нас в десятке шагов. А здесь такой живой интерес к чужому мужчине.

Но не мое это дело.

Со своим бы браком хорошо разобраться.

– Марк. Илона, – представляю я их друг другу и принимаюсь осматривать зал.

– Корвин, – слышу сбоку сухую поправку, а потом уже меня аккуратно берут под локоток и сообщают: – Давайте чуть отойдем. Я поставил на зеленое, а не на красное.

Мы отходим немного в сторону, к краю террасы, где чуть тише. Я делаю еще один глоток и осматриваюсь. Здесь даже лучше, чем я представляла. Огни гирлянд обвивают перила, струятся по колоннам, спускаются с потолка. Мягкий свет льется отовсюду, окутывая все вокруг теплой дымкой, будто гномики зажгли тысячи свечей и забыли их погасить.

Бородатый саксофонист с упоением извлекает мелодию из своего саксофона. Сейчас музыка звучит чуть тише – теперь он уже не раздевает ночь, а словно убаюкивает ее. Кто-то что-то тихонько поет в такт мелодии, кто-то просто закрыл глаза и качается в такт.

– Нравится саксофон? – спрашивает Корвин, проследив за моим взглядом.

– Была уверена, что нет. Но он так играет...

– Согласен. Я раньше думал, что мне он просто не нравится. А теперь уверен, что на дух не переносу. Как и многие здесь, судя по виду. Приди мы позже на час, застали бы сонное царство. Но пока есть шанс, что я не зря тащился через весь город и успею пообщаться с тем, кто мне интересен.

Я с усмешкой смотрю на Корвина. Не хочется его расстраивать, но за свою честность он тоже заслуживает честности.

– Зря, – мягко говорю я. – Я уже вам сказала, что вам вряд ли удастся купить акции «Вертикали», так что встреча с его владельцем ничего вам не даст.

Его губы задевает ответная ухмылка, а взгляд упирается в мой:

– Пока меня все устраивает.

Он смотрит открыто и прямо. И как-то... слишком заинтересованно и откровенно.

Небрежно пожав плечами, словно сбрасывая с себя этот взгляд, отворачиваюсь. Мне это не интересно.

Я вижу знакомых сотрудников мужа. Есть и новенькие. Но те, с кем мы пересекались, кивают и улыбаются, кто-то машет рукой. Я тихонько выдыхаю – хорошо, что с объятиями не набрасываются.

Но скорее всего, их удерживает мой спутник. Потому что здороваются они как-то неловко, потом бросают взгляд в сторону и тут же отводят глаза, как будто напарываются на что-то опасное. Понимаю. Не осуждаю. Это они еще близко не приближались, а то бы замерзли, как льдинки. Я вот только и спасаюсь шампанским.

– Ищите мужа? – снова поражает Корвин своей наблюдательностью.

Я киваю.

Взгляд скользит по залу, по лицам, по силуэтам.

Где он?

Один или нет?

Не хочу думать об этом. Не хочу впускать в себя подозрения, но они как метастазы, впи-
ваются в меня болючими щупальцами.

Пожалуйста, Ром...

Пожалуйста, докажи, что я ошибаюсь. Десятки, тысячу раз потом попрошу прощения –
у него, у себя, у нас с ним.

Только бы все мои подозрения разбились вдребезги.

Когда я наконец его вижу, сердце затаивается, а спустя секунду начинает биться быстрее.
От радости? Или смутной тревоги?

Не знаю.

Не понимаю.

Мои ощущения так же спутаны, как мои мысли.

Он стоит в дальней стороне террасы, потому его и не было видно. Общается с какими-то
незнакомыми мне мужчинами. Может быть, новые деловые партнеры или инвесторы, о кото-
рых говорила Илона?

И вопреки всему, я смотрю на него и люблюсь. Какой же он у меня... Ему идут деловые
костюмы. И идет эта строгость.

Десять лет... десять лет мы женаты, а сердце все равно приятно томится при виде него.
Даже с учетом того, почему я здесь оказалась.

Они так серьезно что-то обсуждают, что я решаю выждать и подойти чуть-чуть позже.

Ожидание бьет по нервам, сушит мои губы, заставляет дрожать и нелепо улыбаться, как
на первом настоящем свидании.

Но моя улыбка мгновенно стирается, когда я замечаю, что к Роману подходит девушка.
Молодая. Ей лет двадцать пять, не больше. Может, она даже моложе – в этом свете сложно
сказать наверняка. Худощавая, почти хрупкая, с тонкими запястьями и изящной шеей. Тем-
ные волосы собраны вверх – небрежно, но красиво, несколько прядей выбились и падают на
плечи, мягко обрамляя лицо. Она симпатичная, с немного раскосыми восточными глазами,
как у кошки. И эти глаза сейчас смеются.

Желтое яркое платье, подчеркивающее ее смуглую кожу, красный пояс. Казалось бы, к
чему он? На ее длинной шее кулон, но красный там камень или нет, отсюда не видно.

А потом мой взгляд падает на ее ноги, и я вижу черные туфли.

Черные туфли с красной подошвой.

Руки немеют, и бокал в моих пальцах вдруг становится тяжелым, неподъемным. Я чуть не
роняю его, но в последний момент мой локоть взлетает вверх, когда кто-то слегка поддерживает
его снизу.

Обернувшись, недоуменно смотрю на Корвина.

– Если вам хватит, – говорит он спокойно, – достаточно подать знак, и шампанское уне-
сут.

Киваю. Но когда его рука уже тянется за бокалом, делаю новый глоток. И снова смотрю
в сторону мужа.

Он не мог...

Мой муж не мог... только не с ней...

Я облегченно выдыхаю, заметив, что эта девушка тепло целует в щеку одного из незнакомых мужчин. О, Господи! Скорее всего, она – его дочь! Видно, как тот с гордостью улыбается и что-то ей говорит. А потом обращается к Роману, и тот тоже отвечает улыбкой. Вежливой. Сдержанной.

Она – дочь нового делового партнера или инвестора, а я тут придумала! Ну я же знала! Я чувствовала!

Заметив какое-то движение слева, с укором смотрю на Корвина, который предпринял новую попытку подхватить мой бокал.

– Не будьте жестоки, – прошу с улыбкой. – У меня появился отличный повод выпить, и я планирую это сделать!

Он смотрит на меня с недоверием. Но перестает покушаться на мое шампанское – уже замечательно.

Я бросаю взгляд в сторону мужа, и мое сердце, которое только-только успокоилось, вновь заходится в быстром темпе.

Я вижу, как эта девица делает шаг назад, отойдя от мужчины (отца?) и становится рядом с Романом.

Близко.

Почти вплотную.

Ее рука поднимается – медленно и изящно, а потом она ласково, даже как-то интимно смахивает с плеча моего мужа невидимую пылинку.

Ее пальцы задерживаются на ткани чуть дольше, чем нужно. Она ему улыбается. А мой муж не отстраняется.

То есть... они все-таки...

Все внутри сжимается в тугую, холодную комок. Пальцы впиваются в бокал так сильно, что я боюсь – сейчас он треснет. Дыхание застывает где-то на полпути между вдохом и выдохом.

Тот мужчина что-то говорит. Она заливисто смеется. Роман улыбается. Разговор мужчин продолжается.

Она замолкает. Становится почти незаметной, никому не мешает, просто стоит рядом, чуть позади Романа. Как будто там ее место. Не с ним. В стороне. Вот только я вижу, что она нет-нет да и проведет ладонью по его руке. Нет-нет да и коснется его пальцев своими.

Сердце стучит громко. Так громко, что, кажется, его слышно даже сквозь музыку. Руки холодные. Ноги ватные. Голова пустая, в ней только один вопрос, который крутится, крутится, не давая думать ни о чем другом.

Почему он не убирает ее руку?

Но будто этого мало, в какой-то момент что-то или кто-то привлекает ее внимание, она поворачивает голову, и я вижу в ее волосах китайские палочки. А на их верхушке голубые камушки, звон которых бьет по моим барабанным перепонкам, заглушая все звуки.

Те самые голубые камушки, которые я видела на фотографии, что присылала мне поклонница моего мужа.

Или... любовница?

Ее прикосновения к нему... Его улыбка – ей...

Смотрю на них, не в силах моргнуть. Не в силах пошевелиться. И не веря тому, что я вижу.

Меня буквально парализует.

Я не могу отвернуться, даже когда ее взгляд упирается в мой. Даже когда она меня узнает и на ее губах появляется торжествующая улыбка. И даже когда она демонстративно приобнимает Романа, тянется к его уху и начинает что-то шептать.

– Да к черту все! – выдыхаю я, залпом допиваю шампанское, вручаю бокал тому, кто два раза пытался его отобрать.

И иду к мужу.

Хватит. Наговорились. Теперь моя очередь.

Люди расступаются. Кто-то оборачивается. Кто-то замолкает. Кто-то смотрит с любопытством.

Мне плевать.

Но она – хитрая лиса. Догадавшись, что я хочу сделать, она перестает нашептывать моему мужу и идет мне навстречу.

Походка такая – будто плывет. Красуется передо мной. Посмотри. Посмотри на меня. Сравни. И как тебе?

Мы пересекаемся за два шага до компании, в которой остается мой муж, и я понимаю – она не хочет скандала. Но и уходить просто так она тоже не хочет. Зачем? Она же так долго добивалась того, чтобы со мной пообщаться.

Останавливается напротив меня.

Молчит.

Изучает.

Я чувствую запах ее духов – тяжелый, сладкий, навязчивый. Тот самый. Тот, что я чувствовала на пиджаке и рубашке мужа. Хочется распахнуть на террасе все окна, чтобы проветрить. Хочется отойти от нее на десятки метров, чтобы не пропитаться этим запахом, этой сладкой отравой.

Но я делаю вид, что мне все равно, и что я понятия не имею, кто она. Так. Пыль у меня на дороге.

И, видимо, что-то такое читается в моем взгляде, потому что она перестает улыбаться, как сытая кошка. Глаза ее сужаются, а губы сжимаются в тонкую кровавую линию. И она не шепчет, а почти шипит:

– Меня нельзя просто заблокировать. Я все равно его заберу. Это не сложнее, чем забрать зонтик.

Глава 14

Нас разделяет пара шагов, а мне хочется снять свое платье и принять душ, чтобы смыть с себя ее взгляд и главное – ее запах, который, как удавка, пытается окутать меня, перекрыть кислород.

Она меня рассматривает – внимательно, придирчиво. Мое лицо, мою шею, руки. Ищет следы старения?

Я делаю легкий шаг вперед, позволяя платью на секунду обнажить мои ноги. Запах ее духов становится еще более сильным, но взгляд меняется. В нем так открыто сквозит недовольство, что я чувствую злую радость, которая закрывает мои эмоции, прячет их за собой и позволяет примерить маску.

Мой муж был прав: иногда маска – это просто необходимость. Через нее даже яд змеи не действует.

– Милая моя, – говорю я, скользнув по ней взглядом в ответ. – Я понимаю, что когда ты вынуждена приходить в одних туфлях и на работу, и на праздник, возникает большой соблазн взять что-то чужое.

Ее губы снова сжимаются, но ярость мешает ответить. Она просто исходит желчью и ею же и захлебывается.

– С зонтиком – ладно. Мне его подарили в нагрузку, когда муж покупал мне этот жемчуг в Париже, – я любовно провожу по нему пальцами, привлекая внимание. – Я давно хотела отдать зонт на благотворительность или в сэконд-хэнд. Хорошо, что ты подвернулась и забрала сама. Сэкономила мое время. А вот что касается мужа...

Я улыбаюсь шире. Так широко, чтобы она видела, как я счастлива и главное – чтобы поверила.

– Прости, милая. Моя щедрость не безгранична. Придется тебе поискать кого-то другого, кто будет дарить тебе жемчуга и купит новые туфельки.

И не давая ей времени прийти в себя и излить новую порцию яда, я иду к тому, ради кого и пришла.

К мужу.

Он так увлечен беседой с мужчинами, что не замечает моего приближения. Говорит что-то, жестикулирует – уверенно, спокойно. Как всегда, когда обсуждает дела. Свет гирлянд падает на его лицо, подчеркивая острые скулы, прямой нос и небольшую морщинку между темными бровями, которая появляется, когда он сосредоточен.

Я останавливаюсь рядом.

Совсем близко.

Так близко, что могу различить легкий запах его одеколона, чуть терпкого, приятного, знакомого до боли. Он наполняет не только мои ноздри, он будто проникает под кожу, выбивая воспоминания о душных духах.

Мужчины замечают меня первыми. Их заинтересованные взгляды скользят в мою сторону. Один из них, постарше, с сединой на висках и в строгом сером костюме, слегка приподнимает бровь. Второй, помладше, улыбается по-доброму, как будто мы знакомы сто лет.

Я улыбаюсь им в ответ и, сделав последний шаг, обнимаю мужа. Моя рука ложится на его спину, и я с удовольствием чувствую тепло его тела. И с еще большим – как оно на миг напрягается, становится жестким, как будто он хочет меня оттолкнуть. А потом расслабляется, когда он поворачивает голову и понимает, что это я.

– Лиза... – теплая, чуть растерянная улыбка. – Что ты здесь делаешь?

Моя ладонь тянется к его щеке и касается чуть шершавой кожи от вечерней щетины. Потянувшись вверх, я оставляю на его губах быстрый поцелуй и тихо предлагаю:

– Потом поговорим.

Мой голос немного дрожит от эмоций, поэтому я рада, когда он согласно кивает.

Он медленно выдыхает, и я чувствую это дыхание на своей коже. Жаркое. Уютное до мурашек.

Его рука уверенно ложится мне на спину и слегка прижимает к себе.

– Это Лиза, моя жена, – говорит он, представляя меня мужчинам. – Это Кирилл Алексеевич и Семен... Петрович.

– Можно просто Семен! – тут же улыбается тот, что помоложе.

– Рада знакомству.

– А уж мы-то как! – лыбится тот.

Пальцы Романа начинают поглаживать мою спину – медленно, нежно. А вот взгляд, скорее всего, далеко не такой, потому что Семен Петрович откашливается и перестает так открыто пялиться и улыбаться.

– Приятно познакомиться, Елизавета, – говорит тот, что постарше и которого я определила в отцы наглой девицы.

Может, поторопилась?

Или от яблоньки яблоки могут падать и далеко?

Мы обмениваемся еще несколькими фразами, несколькими улыбками, и они быстро сворачивают разговор. Деликатно, тактично, как люди, которые понимают, что нас нужно оставить наедине.

Хотя трудно остаться наедине среди стольких гостей. Но когда эти двое уходят, я других перестаю замечать. Музыка стихает. Смех становится фоновым шумом. Гирлянды размываются в золотое марево. Я даже понятия не имею, где бродит раскосая кошка и об кого точит сейчас коготки. Потому что Роман разворачивается ко мне полностью, а его рука сжимает мою талию сильнее, как будто он опасается, что я тоже уйду. Мне нравится этот страх. В эту минуту он объединяет нас даже сильнее объятий.

– Теперь скажешь, что ты здесь делаешь? – повторяет Роман, улыбнувшись.

– Как что? Отдыхаю, – я веду рукой в сторону. – Как все приглашенные.

Он резко выдыхает, и его дыхание перечной мятой касается моих губ.

– Лиза... Прости, я сам не собирался здесь быть.

– Самое дурацкое оправдание, – фыркаю я. – Праздник в твоей любимой компании, куча гостей, а хозяин компании собирался все пропустить!

Он берет мой бокал, куда-то убирает его и прижимает меня к себе сильнее – так, что я чувствую каждую клеточку его тела, а его взгляд не просто вливается в мой. Он спаивается с ним.

– Поверь, гостям хозяин компании тоже не особенно нужен на таких мероприятиях. А уж тем более сотрудникам. Я думал заскочить на пару минут и тихо уйти. Но потом узнал, что здесь будут те, с кем я бы хотел пересечься, вот и пришлось задержаться. А так...

Его ладонь поднимается, а пальцы нежно очерчивают мое лицо. Так, как минуты назад это делала я.

Мы стоим, обнявшись посреди террасы, в окружении людей и музыки, света и смеха. Но это иллюзия. Потому что в эти мгновения нет никого. Ничего. Нас окружает одна тишина – теплая, мягкая, наполненная только нашим дыханием, нашими сердцебиениями и тихим шепотом Романа:

– У меня были другие планы. С тем, с кем я бы действительно хотел провести этот вечер.

От его слов тепло.

Так тепло, что все мои подозрения начинают медленно таять. Но окончательно раствориться не успевают, потому что за моей спиной раздается знакомый и до жути отвратительный голос кошки на лабутенах:

– Роман... Викторович. А вы нас не познакомите?

– И в самом деле! – восклицаю я радостно и резко разворачиваюсь. – Ром, познакомишь нас? А то эта милая девушка столько сообщений мне написала, даже фотографии свои отправляла, столько всего занимательного про тебя и себя рассказала, но забыла представиться. Мне кажется, это чуть-чуть неприлично.

Роман не двигается, но его дыхание меняется – становится чуть глубже и тяжелее. Я чувствую это спиной и всем телом. Его рука на моей талии больше не гладит – она просто лежит, как будто окаменела.

Девушка же ахает и изумленно хлопает ресницами – уверена, у нее в голове зрел совсем другой план. Она думала, что я буду играть роль дурочки, которая притворится, что все хорошо, что мы впервые с ней видимся – лишь бы избежать болезненной темы. Да, судя по взгляду, она не сомневалась, что я буду молчать.

Мое поведение рвет ей шаблон, и она понятия не имеет, что с этим делать. В ее мире обманутые жены в возрасте ведут себя по-другому.

– Как... – выдавливая она через силу. – Как вы... так... можете?

– Милая, – я со вздохом качаю головой, – ты же не думаешь, что ты первая, кому надоело носить одни лабутены? Это опыт. Ты, если не ошибаюсь, седьмая. И, кстати, ты сама видишь – их нет, а я есть.

Она открывает рот, как рыба, выброшенная штормом на берег. И молчит. Смотрит на меня и молчит.

А я хоть и говорю бодро, но меня всю колотит. Хочется подхватить эту желтую рыбку и забросить подальше. Как можно дальше от нашего мирного берега.

Роман молчит, но я чувствую, как напряжение в его теле нарастает. Когда я украдкой бросаю взгляд на его лицо, вижу, что челюсть сжата так, что проступают желваки. Он смотрит на Катю так, словно видит ее впервые. И не в восторге от увиденного. Далеко не в восторге.

– Катя, – наконец раздается над моей головой его сухой голос, от которого «рыбка» вздрагивает так, что слышен звон камушков на ее палочках. – Ты действительно это делала?

И вот теперь, только теперь ее лицо заливается краской стыда. Она гулко сглатывает и так заливает взглядом на моем муже, что боится моргнуть.

– Делала, делала, – подтверждаю я. – Ты что, забыл? Ты же сам читал и стирал ее сообщения. А потом посоветовал мне их заблокировать. Кстати, я так и сделала!

Роман едва заметно кивает, что я принимаю за похвалу в свою сторону. А я с удовольствием добиваю гидру, слишком поверившую в себя:

– Катя, значит. Хорошо, что наконец познакомились. Теперь я хоть знаю, кому предъявить счет за химчистку. Кстати, от этих духов вся химчистка чихала, так что счет там приличный. А помада настолько ядовитая, что рубашку вообще пришлось выбросить. Из последней коллекции, кстати.

Наябедничав, я грустно вздыхаю и, делая вид, что утратила интерес ко всему этому, принимаюсь рассматривать свои ноготки. Красивые, кстати. И темно-фиолетовый цвет с маленькими вкраплениями звезд мне идет.

– Рома, я... – она сбивается, голос сильно дрожит, как перед бурей из слез, а я наоборот расслабляюсь. – Роман... Викторович, Рома, я...

Она хватается ртом воздух, а потом прислоняет ладошку к носу и куда-то сбегает. Ну, она не то чтобы бежит. Но исчезает из нашего вида быстро.

Роман провожает ее взглядом, и я вижу, как недовольно сдвинуты его брови. Он делает глубокий вдох – медленный, как будто собирается с мыслями. Или с силами.

– Заметил? – я тут же теряю интерес к ноготкам и смотрю на мужа. – Сразу дышать стало легче?

Мне – да. Однозначно. Но не ему.

Глава 15

– Что не так? – спрашиваю я напрямую, потому что его недовольство не рассеивается, а наоборот, становится слишком явным.

Будь я его подчиненным, наверное, уже готовилась к увольнению. Но слышу такое, что вызывает желание уволить самого босса:

– Лиза, нужно было помягче.

– Что?!

Я смотрю на него во все глаза, потому что мне кажется, что я ослышалась. И музыка звучит ярче, и гости уже прилично разгорячились и, потеряв хозяина компании из вида, ведут себя вольно – смеются громко, так же громко выкрикивают все новые и новые тосты. Ослышалась. Конечно, ослышалась.

– Лиза, – Роман сжимает мои плечи и повторяет, практически чеканя слова, чтобы я быстрее сообразила: – Катя – моя новая помощница, но дело не в этом. Она – дочь очень хорошего человека.

– Ну что ж, мне его жаль.

Заметив, что я усмехаюсь, Роман тяжело выдыхает и поясняет доходчивей:

– Очень влиятельного человека.

– Тем более жаль. Такой хороший и такой влиятельный человек, а с воспитанием дочери явно не справился. Кстати, – осеняет меня. – А ты в нем уверен? Ну, насчет его влияния? Потому что, если все так, зачем она украла мой зонтик?

Нет, в самом деле. И это я еще про лабутены молчу. И про дешевые камушки в ее волосах.

– Лиза... – муж удрученно качает головой, видя, что его аргументы меня вовсе не убеждают изменить свое мнение. – Я уже говорил: она просто потеряла его. Не думал, что тебя так заденет такая мелочь.

– А то, что она закидывала меня сообщениями про ваши якобы отношения с ней – тоже мелочь? И я все равно не должна была быть так жестока к бедной девочке?

– Да.

Я слышу сбоку какой-то звук, похожий на звон барабанов, но сомневаюсь, что это они. Там же саксофонист. Какие барабаны? Скорее всего, это так громко падает моя челюсть.

– Да, – повторяет Роман. – Ей просто не повезло. Первая влюбленность – ты же сама помнишь, как это бывает.

Меня коробят его слова. Нет, не так – они меня просто выносят. Поэтому я отвечаю честно и резко, не в силах сдержать эмоции. К черту маску – я не могу их носить, мне в них тесно.

– Смутно помню. Мою первую влюбленность ты выставил вон из кафе на нашем свидании.

На губах Романа появляется улыбка – настолько теплая, настолько мечтательная, как будто он только что с удовольствием прокатился на волне ностальгии. Я невольно засматриваюсь и на секунду теряюсь. Теряется и моя злость.

– Да, – говорит он мягко, глядя с этой коварной улыбкой в глаза. – Тебе тогда повезло.

Я дергаюсь из его хватки, но он сжимает мои плечи сильнее. Практически фиксирует меня. Но не только руками – взглядом, этой улыбкой и признанием, которое я знала, конечно, но которое совсем не прочь еще раз услышать:

– Но мне повезло куда больше.

Я только головой качаю, удивляясь: как ему так удастся? Из холода – в жар. Из жара – опять на мороз. Он будто играет моими эмоциями. А вот его я никак не пойму.

– За Катю меня хорошо попросили, – продолжает он гнуть свою тему. – Я обещал за ней присмотреть.

– И только? – фыркаю я. – По-моему, она считает, что ты обещал куда больше.

– Лиза, она – девчонка. Просто молодая девчонка. Да, она сделала глупость. Уверен – она раскаивается.

Теперь приходит мой черед вздыхать тяжело.

– Рома, как хорошо, что у тебя в компании есть HR-менеджер, ты, оказывается, совсем не разбираешься в людях!

Роман смотрит на меня долго. Слишком долго. В его глазах мелькает что-то – обида? разочарование? усталость? – но он ничего не говорит. Я сама понимаю, что зашла не на ту территорию. Его компания – его детище. А я будто усомнилась в нем. Поставила его авторитет под сомнение.

Еще и в такой важный день.

Он прав. В некоторых вопросах действительно нужно помягче. А я так увлеклась своей обидой, так лелеяла ее, что невольно задела чувства того, кто мне дорог.

– Хорошо, – наконец произносит он. – Хорошо, я понял, что примирить тебя с Катей не выйдет.

И вот тут мое желание как-то сгладить ситуацию превращается в прах. Я давно такого не чувствовала – меня начинает просто бомбить. Не понимаю, он будто намеренно выводит меня на эмоции, будто прощупывает, где грани, которые можно отодвинуть, а через которые уже не переступить.

Нет этих граней. Их просто не видно, потому что у меня ощущение, будто я вязну в каком-то болоте.

– Может, мне еще в подружки ее записать?! Это какой-то сюрр – то, что ты говоришь. Я не понимаю, я...

Я всматриваюсь в его глаза. Ну в самом деле, он сам-то понимает, что говорит? Понимает, как это выглядит? Понимает, что я при этом чувствую?

Наверное, да. Потому что он отводит взгляд в сторону – на свои руки, которые все еще сжимают мои плечи. Как будто собирается с силами. А потом снова смотрит на меня – но уже не так, как минуту назад. Не с теплом. Не с нежностью. А с отголосками вины. И с чем-то таким, от чего внутри холодеет.

Прокручиваю в голове его слова – они неохотно всплывают из памяти, хотя и прозвучали минуты назад.

«Лиза, что ты здесь делаешь?»

«Лиза, нужно было помягче»

«Ей просто не повезло. Первая влюбленность»

«Она – просто молодая девчонка... Меня за нее хорошо попросили...»

И до меня вдруг доходит.

– Подожди. Подожди, то есть, ты знал, что это она? Знал. И поэтому не позвал меня на корпоратив? Ты не пригласил меня из-за Кати?!

– Догадывался, – соглашается спокойно, даже не думая отпираться. – Не был уверен. Я уже не раз давал ей понять, что ее чувства безнадежны, что у меня есть жена. И был уверен, что она поняла. Ты ведь перестала жаловаться, что она опять тебе пишет.

Тут он прав.

Я вообще жалобы не очень люблю. Да, я перестала ему говорить, что его предполагаемая любовница опять строчит мне сообщения. И про фотографию я тоже ему не сказала.

А она продолжала.

Настойчиво. Нагло. Поверив в себя.

Нет, мне не становится жаль эту Катю. Просто получается, что своим молчанием я не заминала конфликт, а только усугубляла? Получается, в том, что он затянулся, есть и моя вина?

– И нет, Лиза, – продолжает Роман, отпустив мои плечи и ласково проведя ребром ладони по моей щеке. – Я не позвал тебя не из-за Кати. Я уже говорил – я сам не собирался здесь быть. Сначала вообще не собирался. Потом не планировал оставаться надолго. Я думал заскочить на полчаса максимум. А ты бы готовилась, как все девочки, волновалась... Зачем тебе эта суета? Я думал, так будет лучше. Недолго здесь – и обратно к тебе.

На последних словах его голос заметно теплеет, а ладонь, которой он гладит мою щеку, слегка царапает ее обручальным кольцом. Может, именно оно меня охлаждает.

– А мы можем договориться, – предлагаю я, разводя руками и как бы охватывая всю окружающую красоту и веселье, – что в следующий раз, когда ты захочешь решать за меня, ты со мной посоветуешься?

В уголках его губ появляется улыбка. Такая знакомая, такая родная, что раздражение тут же стирается окончательно.

– Я решу вопрос с Катей, – обещает он. – Больше она не станет тебя беспокоить.

– Мне главное, чтобы она перестала **тебя** беспокоить, – вздыхаю я. – Так почему ты все-таки здесь? Из-за Кирилла Алексеевича? Это же ее отец, я правильно поняла?

Он кивает.

– Да. Отец. Нет, не из-за него. Хотя его присутствие – тоже приятный бонус.

– Что-что? Ты хотел встретиться даже не с Кириллом Алексеевичем? То есть, с еще более хорошим и важным человеком? Даже любопытно теперь – с кем именно?

Роман с улыбкой кивает и приобнимает меня.

– А вот я как раз сейчас тебя познакомлю!

Я вижу, как он кому-то кивает, тут же оборачиваюсь – и натываюсь на внимательный взгляд серых глаз. Владелец которых уверенно направляется к нам.

– С Корвиным? У тебя важная встреча с Корвиным?

– Вы что, уже познакомились?

– Можно сказать и так, – хмыкаю я. – Если бы ты увлекался живописью и аукционами, тоже бы с ним давно познакомился.

– К счастью, мне не нужно идти на такие жертвы, – усмехается он. – Мы с Марком еще с детства знакомы. Это мой друг.

Я смотрю на приближающегося Корвина. Потом на Романа. Потом снова на Корвина. И снова на мужа.

– Слушай, – интересуюсь я так, между делом, – а ты в курсе, что твой друг собирался купить акции твоей любимой компании?

– Собирался? – переспрашивает Роман, а когда я киваю, хмурится. – Он что, уже передумал?

Я снова оборачиваюсь к нему. Нет, на этот раз мне точно ничего лишнего не послышалось.

– Погоди... ты что, действительно хочешь продать ему акции? – поражаюсь я. – Я сказала Корвину, что у него ничего не получится, а ты... Ты что, правда?!

Роман качает головой, глядя на меня, как на капризного ребенка, и легко поясняет:

– Лиза, в бизнесе это обычное дело, когда компания расширяется.

– Да, но... возможно. Но почему ты мне ничего не сказал? Почему я узнаю это так, мимоходом, от человека, с которым случайно проехала в одном лифте?

– Потому что он слишком болтливый?

Роман улыбается. И да, шутка забавная. Но я почему-то сейчас не в состоянии ее оценить.

– Я в шоке, – говорю мужу честно. – И это еще мягко сказано.

– Лиза, здесь нет ничего такого, о чем ты бы могла волноваться. Поверь, я знаю, как будет лучше для «Вертикали».

Его палец касается уголка моих губ, тепло, осторожно, с нежностью. Так же звучит его голос, когда он добавляет:

– И для тебя тоже. В первую очередь для тебя. Наслаждайся вечером. Просто отдыхай. Я обо всем позабочусь.

Я не очень согласна с такой расстановкой, но не успеваю продолжить наш разговор – Корвин уже подходит. Они с моим мужем обмениваются рукопожатием, а потом Роман обнимает меня и с улыбкой говорит:

– Хотел познакомить с женой. Но Лиза мне сказала – вы уже познакомились?

– Имел такое удовольствие, – коротко кивает Корвин.

– Еще бы не удовольствие! – подхватываю я. – Увести у меня из-под носа картину и чашу самого Далай-ламы!

– Всего лишь его ученика, – скромно поправляет мой соперник.

– Кстати, ее вы тоже уже успели перепродать?

– Пока нет. Думаю: может, еще самому пригодится. Хотите поучаствовать, когда выставлю ее на продажу?

Я смеюсь.

– Спасибо, я от нее и так еле отбилась.

Он кивает, и я понимаю, что он это знал. Прекрасно знал тогда на аукционе. И продать не может как раз потому, что сам встрял, а больше она никому не нужна.

И настроение сразу такое хорошее-хорошее. Я ему даже картину прощаю. Мне все равно новую напишут. Уверена: в разы лучше прежней.

– Погоди, – доходит до Романа. – Так ты и есть тот самый участник аукциона, который перехватил у моей жены картину, которая ей понравилась?

Я усиленно киваю и жалобно добавляю:

– И чашу.

Ну, раз он не слышал.

– Пожалуй, я все же повышу ее первоначальную цену, когда буду выставять, – роняет Корвин задумчиво. – Вижу, она оставляет после себя долгий след.

Роман смеется и обнимает меня сильнее. Я улыбаюсь. И самое интересное, вижу, что в глазах Корвина тоже зреет улыбка. У него даже взгляд немного меняется, становится заметно теплее.

– С нами понятно, – говорю я, меняя эту тему на более интересную. – А сами вы как познакомились? Роман сказал, вы друзья детства. Но что-то он о вас никогда не рассказывал.

– Наверное, не хотел беречь свои раны, – пожимает плечами Корвин. – Меня долго не было в городе и в стране. Я недавно вернулся.

Я с любопытством смотрю на мужа. Ему нравится эта встреча – он снова расслаблен и улыбается. Значит, рад встретить друга. Но чтобы вот так – «беречь свои раны...». Ого-го. Но, видимо, так и было, раз не оспаривает.

– Ты что, – спрашиваю участливо, – правда так сильно переживал?

Я чувствую, как дрожит его грудная клетка от смеха, который он пытается сдерживать. Переведя дыхание, он поясняет:

– Это он так тебе рассказывает, как мы познакомились. В первую нашу встречу мы подрались.

– Во вторую тоже.

– И я тебе хорошенько тогда наподдал.

– Не сильнее, чем я тебе в первую.

Я усмехаюсь, глядя на них. Они оба меняются от этих воспоминаний – как будто на какое-то мгновение и правда становятся не взрослыми и солидными мужчинами в элегантных костюмах, а просто мальчишками со двора. С синяками и ссадинами, растрепанными, но при этом очень счастливыми.

– Роман, прости, – говорит друг детства после обмена воспоминаниями. – У меня утром рейс, поэтому надолго не задержусь.

– Ясно. – Муж тут же серьезнеет и бросает на меня вопросительный взгляд. – Лиза, ты простишь, если я ненадолго тебя оставлю? Мне нужно с Марком поговорить.

– Без меня? – шучу я, а потом милостиво машу ладонью. – Да идите уже. Затяните свои рваные раны. Но потом мы с тобой все же серьезно поговорим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.